

The background of the book cover is a vibrant illustration. At the top, a large, dark, scaly dragon with glowing red eyes and sharp teeth looms over a city. The city below is depicted with stylized, glowing buildings and streets, suggesting a magical or futuristic setting. In the foreground, a character with long, flowing blonde hair and a silver, ornate helmet is shown from the chest up, looking towards the left. The character is wearing a red and gold outfit. The overall color palette is dominated by blues, greens, and yellows, with a dramatic, high-contrast lighting effect.

Илона Волынская, Кирилл Кашеев

Ирка Хортица суперведьма

Повелительница Грозы

12+

Ирка Хортица – суперведьма

Кирилл Кащеев

Повелительница грозы

«Автор»

2018

Кащеев К.

Повелительница грозы / К. Кащеев — «Автор», 2018 — (Ирка Хортица – суперведьма)

Сперва ты пару раз спасаешь мир... а потом оказывается, что ты уже на службе! Ведьмовство - работа, а хортицкая ведьма - должность. Ты не можешь уехать ни на каникулы, ни на учебу - ты обязана быть на "рабочем месте", при ведьмовском котле. Пойти с парнем в кафе тоже не выйдет - вломится сумасшедший колдовской вихрь, и кафе разгромит. Твой дом превращается в "постоялый двор" для богатырей, разыскивающих дракона-нелегала, а бабка умудряется сдать пристройку странной девушке невероятной красоты... и такой же дремучести. Богатыри требуют, чтоб Ирка немедленно, сейчас, любым способом отыскала змея-нарушителя, но... хортицкая ведьма не спешит выполнять свой долг, потому что... а вдруг это все-таки ОН? Она его так ждет!

Содержание

Пролог. Конь в кольчуге	5
Пролог 2. Змеище Горынище	7
Глава 1. Унесенная ветром	11
Глава 2. Ведьма с доставкой на дом	19
Глава 3. Сдам сарай. Дорого	25
Глава 4. Змей-нелегал	34
Глава 5. Богатыри в гостях	40
Глава 6. Дикие китайки атакуют	49
Глава 7. Есть такая работа – змея искать	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Илона Волынская, Кирилл Кащеев

Повелительница грозы

Пролог. Конь в кольчуге

По проспекту шел конь. На первый взгляд казался он даже некрасивым – не было в нем ни легкости, ни тонконогости, ни изящества, ни гордой посадки головы. Наоборот, все точно топором вырублено – толстые, как тумбы, ножищи на массивных и тяжелых копытах, страшно подумать, что будет, если таким копытом по голове долбануть! Грудь тоже слишком широкая и мощная – под гладкой гнедой шкурой, в темноте кажущейся черной, переливаются выпуклые мышцы. Крупная голова напоминает ведро, а из-под падающих на морду прядей спутанной гривы мрачно зыркают настороженные глаза. Здоровенные, на удивление белые зубы грызут усыпанные железными бляхами удила.

Конь шел. Тихо побрякивала закрывающая его бока кольчужная сетка мелкого плетения, и мерно покачивался притороченный к высокому седлу щит. В желтых бликах ночных светофоров то вспыхивал, то вновь гаснул похожий на кошачий глаз камень в рукояти прямого меча в простых ножнах, свет редких уличных фонарей желтым пятном отражался от выглядывающего из переметной сумы наверх шлема.

– Би-бип! – посигналила машина, несущаяся по пустому полуночному Крещатику... Конь невозмутимо повернул голову, глянул и продолжил все так же неспешно вышагивать по середине проезжей части.

– Би-и-ип!

Густой черный хвост раздраженно прошелся по конским бокам – кольчужные звенья тихо забренчали. Конь невозмутимо шел. Машина отчаянно вильнула вправо, пронзительно взвизгнули протекторы.

Даже торчащие из темной гривы уши не шелохнулись. Сквозь боковое стекло машины можно было бы рассмотреть перекошенную от испуга физиономию водителя – если бы конь сообразовал хоть глаз скосить.

Автомобиль пронесся мимо, бешеным зигзагом его протащило по скользкой влажной дороге, наконец он выровнялся и даже начал сбавлять ход, словно взбешенный водитель собирался остановиться и выяснить отношения с вышагивающим по мостовой тяжеловозом. Но почему-то передумал и стремительно умчался прочь, напоследок огласив пустынные киевские улицы возмущенным воплем клаксона.

– П-х-хр! – конь презрительно выдохнул – белесый пар закружил над шелковистыми черными ноздрями – мотнул тяжелой башкой так, что зазвенела узда, и степенно проследовал дальше, негромко поцокивая коваными копытами по асфальту. И вдруг встал.

– Ребята, смотри, какой! – вывалившаяся из дверей ночного клуба компания остановилась, изумленно глядя на застывшего у тротуара коня.

– Со съемок сбежал, что ли? – растерянно пробормотала хорошенькая девушка в светлой меховой курточке.

– Нет... Не со съемок... – вдруг словно зачарованный пробормотал высокий стильно одетый и совсем еще молодой парень – то ли старшекласник, то ли студент-первокурсник. И шагнул навстречу коню.

– Эй, ты поосторожнее! – окликнул его парень постарше, но молодой не слышал. Будто не по своей воле, а влекла его некая сила, которой он не мог противиться, да и не хотел, он медленно шел к коню.

Жеребец оценивающе смотрел на него, скептически склонив голову. И вдруг неуверенно шагнул навстречу. Они замерли друг против друга – глаза в глаза. Робко, словно спрашивая у коня разрешения, парень протянул руку. Жеребец вытянул морду... и, энергично шевеля ноздрями, принялся совершенно по-собачьи обнюхивать повисшую в воздухе ладонь.

Бешеное, негодующее, больше похожее на визг ржание огласило пустынные улицы. Глаза коня налились яростью, почти безумием, и он взвился на дыбы. Кольчужная сетка на боках раскрылась, как стальные крылья, неистово взметнулась темная грива, и гнедая громада вздыбилась над головой парня – в свете фонарей тускло блеснула стальная подкова, и острый, будто специально заточенный ее край нацелился парню в лоб!

Тот успел лишь закрыться руками, защищаясь. Отчаянно вскрикнула девушка...

Налетел ветер. Словно сквозняком потянуло из резко распахнувшейся двери – запахло мокрым, только что выпавшим и тут же тающим снегом, почему-то свежесмолотым кофе и... хорошим мужским дезодорантом. И сразу все исчезло – словно дверь захлопнулась.

С неожиданной для его тяжелого мощного тела легкостью конь развернулся на задних ногах, опустился на все четыре – копыта грохнули об асфальт. Снова заржал – на сей раз в его ржании звучало настоящее счастье! И еще – призыв! И размашистым галопом рванул вдоль проспекта – обратно, откуда пришел. Удары подков отражались от стен домов, возвращаясь стократ усиленным эхом. Конь мчался вперед, все ускоряя и ускоряя бег, каждый скачок становился длиннее... Глядевшему ему вслед парню казалось, что гнедой отрывается от земли...

Тяжеловоз оттолкнулся копытами от тротуара, взвился, пластаясь в прыжке... Гулко и басовито ухнул воздух, словно лопнула гигантская струна...

Летающая на полной скорости «БМВ» пронеслась там, где только что был конь. Желтые пятна от огней светофоров то появлялись, то исчезали на черном мокром асфальте совершенно пустой мостовой.

– Вы... вы видели? – обернувшись к приятелям, задумчивым шепотом спросил парень. – Он... Он исчез! Просто исчез!

– Убежал, – неуверенно поправил второй, размазывая рукавом куртки стекающий по лицу пот. – В смысле... того... ускакал.

– Ага, – кивнула девушка, – скакал, скакал и... за угол повернул... – Голос ее звучал неуверенно.

– Нет, – твердо возразил молодой. – Он исчез.

– Незачем было к нему лезть! – срываясь на истерический крик, выпалила девушка. – А если бы он тебя копытом по башке?

– Да, – с неожиданной покорностью согласился парень, – мне незачем было к нему лезть. Совсем незачем. – И в голосе его вдруг прорезалась глухая тоска.

– Ну чего вы, ребята? – почувствовав неладное, забормотал их старший приятель. – Ничего особенного не случилось, самый обыкновенный конь...

– Нет. Не обыкновенный, – тихо возразил младший.

– Обыкновенный, – твердо отчеканил старший, – может, в ролевку какую поблизости играют... Или из этого... «Парка Киевская Русь»? Слыхали – нет? Ну где старинные терема восстанавливают, фестивали проводят... Говорят, там новое шоу! Можем даже съездить на днях... Сами увидите – ничего необыкновенного в клятой коняке нет!

Он не говорил бы столь уверенно, если б знал, что той же самой ночью темно-гнедого тяжеловоза под кольчужной попоной, с притороченными к седлу щитом и мечом видели на улицах Запорожья и Донецка, Харькова и Львова, Херсона и Чернигова. Но откуда ему было знать?

Пролог 2. Змеище Горынище

Февральское солнце радостно сияло, отражаясь в снегу, словно само развеселилось от бурлящего внизу праздника. Забавный флюгер-петушок неистово вертелся на островерхом тереме княгини Ольги, а от еще недостроенных палат князя Владимира пахло свежеструганными бревнами. Весело звенели колокольцы на такой же новенькой и деревянной, а не каменной, Десятинной церкви, и так же звонко откликнулись молоты и молоточки Кузнечного посада, где кузнецы прямо на глазах публики ковали подсвечники, пряжки ремней, крохотные подвески-подковки на счастье. Во рту мешалось горькое и сладкое от горячего медового сбитня, купленного у разбитной торговки в старинном сарафане и душегрее. На высоком деревянном помосте Алеша Попович с хаканьем рубился на мечах с Тугарином Змеевичем – обладателем не только здоровенной и, похоже, ужасно неудобной восточной чалмы, но еще и прицепленного сзади к штанам шипастого ящеринного хвоста! Хвост постоянно путался у Тугарина в ногах, и Алеше то и дело приходилось подпирать противника плечом – чтоб не завалился на помост раньше времени!

– Давай кончать, а то эта зараза сейчас отвалится! – тихо прошипел Тугарин, яростно косясь не на своего противника-богатыря, а на обмотавшийся вокруг коленей хвост.

– Ты хоть размотайся как-то, что ли... – растерянно пробормотал Алеша Попович – рубить окончательно запутавшегося в хвосте и оттого почти беспомощного противника казалось ему недостойным. Принижало имидж былинного героя.

Вокруг помоста нарезал круги гусляр, то и дело разражаясь пугающими воплями:

*Ветра нет – да тучу нанесло,
Тучи нет – да будто дождь дождит,
А дождя-то нет – да только гром гремит.
Гром гремит да свищет молния:
Как летит Змеище Горынище...*

Небо потемнело. Вытягиваясь, будто дым от далеких пожарищ, длинные и гибкие, похожие на змей тучи расчертили солнце темными полосками. Сияние снега погасло. Не дождь и не туман, а пробирающая до костей густая взвесь из мельчайших водных капель – какие с отвращением называют «мряка» – накрыла только что звеневший радостью «Парк Киевская Русь». Серая мгла упала, как ватное одеяло, глуша гомонящие голоса и грохот железа. Даже колокольный трезвон сбился, заметался, как вспугнутая птица, и смолк окончательно. Задул пронзительный ледяной ветер, из-за горизонта напозало все больше холодных змеящихся туч. Солнце скрылось окончательно. Серое обложное небо провисло над парком, тучи тяжело волоклись над острыми крышами деревянных теремов, норовя распороть рыхлые животы о замершие флюгеры.

Словно нож, золотистый зигзаг молнии пропорол навалившуюся сверху серость.

– Там, там! Глядите! Летит! – вдруг завопили в толпе.

Разрезая серое небо сверкающими кончиками крыльев, среди туч неся...

– Дракон... – тихо и растерянно сказал кто-то.

– Это во всяких Европах – дракон, а у нас – Змей, – авторитетно поправили его.

– Голограмма! – восхищенно выдохнули дальше.

– Не голограмма, а лазерная проекция, – еще более авторитетно поправил все тот же голос, – продвинутые технологии!

Держа норовящие свалиться наземь шапки, люди смотрели в небо. Алеша Попович вскинул меч над головой Тугарина да так и замер, с открытым ртом следя, как отблескивающий серебром на фоне туч крылатый змей нарезает круги над башнями детинца¹.

– Не сдавайся, Тугарин, вон к тебе подмога прилетела! – крикнул кто-то. Люди пришли в себя, зашевелились, в толпе послышались смешки.

– Сейчас змей ка-ак спустится, ка-ак даст огнем... – подхватил другой.

– Как же он спустится, когда он – всего лишь рисунок на тучах, – снисходя к чужому невежеству, вмешался авторитетный голос, но его не слушали.

– Руби Змеевича, Лешка, пока не поздно! – дурашливо заорали из толпы.

Новая молния расколола небо. Сложив крылья, змей ринулся вниз. Словно громадный небесный кулак, тугой воздух ударил по толпе. Народ бросился врассыпную. Целый пучок ветвистых молний впился в землю, но там уже никого не было – кроме остроносого человека в покоем на чехол от зонтика скучном пальто.

– Лазерная... проекция... – слабым голосом, лишь отдаленно похожим на недавний авторитетный, пролепетал он. Его борода клинышком и кончик острого носа слабо дымились. – Не спустится...

Земля содрогнулась, и рядом плюхнулся громадный змей в сверкающей серебристо-стальной чешуе. Гибкая шея вопросительно изогнулась. Мерно покачиваясь, гигантская голова нависла над остроносом типом. Мрачные змеиные глаза, разрезанные вертикальным зрачком, уставились тому в лицо.

Земля слабенько содрогнулась снова – остроносый упал в обморок.

Голова на гибкой шее повернулась к помосту. Ветвистый разряд молнии вырвался из пасти змея... Тугарин Змеевич тоненько завизжал. Штаны его дымились. У ног валялся аккуратно, точно ножом срезанный ящеринный хвост – по краям оплавленного среза еще мельтешили мелкие золотистые искорки. В воздухе сильно запахло озоном.

Сверкающий ветвистый язык снова вылетел из пасти – и ударил Алешу Поповича в грудь. Тяжелый меч вывалился из рук богатыря и с грохотом упал на помост. Алеша Попович пошатнулся и, как подрубленное дерево, рухнул навзничь.

– Вовка! – почему-то отчаянно-испуганно заорал злобный Тугарин Змеевич и повалился на колени рядом со своим извечным противником богатырем Алешей Поповичем, пытаясь разодрать у того на груди кольчугу. – Вовка, Вовка, ты что, только не помирай, Вован! Очнись! – судорожно пытаюсь нащупать пульс, бормотал Тугарин – и вдруг стремительно развернулся к змею: – Ты... – Раскосые глаза Тугарина сузились еще больше, превратившись в направленные на змея прицельные щелочки. – Ты какого приперся, гад? – И в змея полетело первое, что подвернулось Тугарину под руку – срезанный хвост.

Растрепанная проволока и папье-маше стукнули змея между глаз. Морда у рептилии стала ошалелая, гад непонимающе помотал чешуйчатой башкой и даже слегка подался назад, оставляя извилистый след на утоптанном снегу.

– А ну вылазь, гадина, из своей шкуры – я тебе за Вовку глаз на корпус натяну! – хватая одной рукой свой меч, а второй – Алешин, заорал Тугарин и сиганул с помоста.

Два тяжелых, но совершенно тупых клинка опустились на покрытую чешуей голову – меч Тугарина с хрустом переломился. Вращаясь пропеллером, железная полоса отлетела в толпу.

– Где ты там рулишь этой штукой – вылазь, сказал! – замахиваясь уцелевшей рукояткой мяча, орал Тугарин. – Не то я твоему костюмчику башку отломаю и своими руками тебя наружу выволоку! – И не дожидаясь, пока неведомый оператор змея испугается и все-таки выберется наружу, изо всей силы ткнул тупым концом обломанного меча в туловище.

¹ Внутренняя крепость древнерусского города.

Из пасти раздался похожий на раскат грома рык. Разряды молний опутали тело змея, как золотая сетка, скользнули по обломку меча и накрыли Тугарина. Волосы у того встали дыбом, а глаза сделались большими и круглыми, как в японских мультиках, и Тугарин отлетел обратно на помост.

Изящные перепончатые крылья широко распахнулись, хлестким, как мокрое полотенце, порывом ветра расшвыривая людей. Рокоча, как тысяча грозowych туч разом, змей начал подниматься на хвосте. Люди заорали – и хлынули прочь, отчаянно мечась среди деревянных крепостных стен...

Гибкая петля аркана захлестнулась на чешуйчатой шее. Рывок...

Утратив всю свою величавость, змей забил крыльями, как переполющенная курица. Еще рывок! Его шея выгнулась назад, он закачался, изо всех сил пытаясь сохранить равновесие... Тонкие пленочки век обморочно затянули глаза... И змей тяжело завалился на спину, вздымая крыльями комья снега.

Громадная, как колода, голова уткнулась в копыта богатырского коня. Это был самый странный богатырский конь, какого только можно вообразить! Невысокий, упитанный, крутобокий, выглядевший слегка хипповато из-за вплетенных в гриву разноцветных шерстяных косичек – конь попятился назад, заставляя аркан в руках всадника еще туже стянуться на змеевой шее. Под гладкой шкурой низкорослого коняшки заиграли литые мышцы – больше всего он сейчас напоминал... занимающегося бодибилдингом пони! Столь же странно выглядел его длинноногий, с унылой физиономией всадник. Кольчуга мелкого плетения, щит, меч у пояса – только вместо шлема на голове сидела плоская, как блин, старая милицейская фуражка.

Загрохотали копыта – и в распахнутые ворота деревянной крепости с улюлюканьем ворвалась еще троица богатырей.

– Попался, змеище! Дядька Мыкола заарканил – вяжи его, ребята! – радостно орали они, сдергивая арканы с седел.

Опираясь на голову и хвост, змей выгнулся, как горбатый мостик. Громадные крылья хлестнули по богатырям. Похоже, этого не ожидал никто – даже на длинной унылой физиономии дядьки Мыколы отразилась растерянность.

Змей отчаянно извернулся – и быстро молотя крыльями, завис в воздухе. Накинутый на его шею аркан натянулся до отказа. Упрямо наклонив голову, накачанный конек дядьки Мыколы уперся копытами в землю.

– Держись, дядька! Мы сейчас! Сейчас... – Петли брошенных арканов взвились над змеем. Зависшая в воздухе рептилия рванулась в сторону – одним махом выдернув вцепившегося в аркан Мыколу из седла. Гибкая шея вертелась во все стороны, из пасти летели золотистые разряды. Арканы вспыхивали прямо в воздухе. Молния просвистела над головами и врезалась в недостроенный Владимиров терем. Влажное от талого снега дерево занялось разом, будто его пропитали бензином.

Вырывающиеся из пасти змея громовые раскаты больше походили на хохот. Мощно плеснули перепончатые крылья, и змей взмыл над детинцем. Так и не выпустивший аркана Мыкола болтался в воздухе.

– Бросай веревку, дядька, бросай! Прыгай! – отчаянно надрывались с земли.

Но вместо этого длинноногий богатырь в милицейской фуражке принялся торопливо перебирать руками, карабкаясь выше – к змеевой шее.

Змей раздраженно рыкнул – и сложив крылья, камнем понесся к земле. Подошвы судорожно вцепившегося в веревку Мыколы чиркнули по взбаламученному снегу... и в ту же секунду молния полоснула по веревке. Дядька Мыкола приложился задом о землю. Змей громынул и круто набрал высоту. Застилающие небо тучи сдернуло, словно покрывало, и яркие солнечные лучи снова заиграли на снегу, переплетаясь с оранжево-алыми сполохами пожара.

Змей улетал, и кружево грозowych туч летело за ним, как шлейф королевского платья.

– Тьфу! Вырвався, проклятый! – дядька Мыкола досадливо сплюнул, поднялся, подобрал валяющуюся в снегу фуражку, отряхнул ее об колено. – Ну шо встали, мов неживые? А ну швидко за ним! – нахлобучив фуражку на голову, заорал он. Под яростный грохот конских копыт четверка богатырей вынеслась вон из крепости и помчалась вдогонку за змеем.

Цепляясь друг за друга в напрасных попытках преодолеть головокружение и тошноту, на помосте пытались встать Алеша Попович и Тугарин Змеевич.

– Ох и здорово нас с тобой приложило – всюду теперь змеи видятся, – хрипло пробормотал Алеша.

Выставив когти и быстро работая крыльями, над башнями деревянной крепости заходили на посадку еще два змея. Эти были поменьше и совершенно одинаковые, неприметного темно-болотного цвета. В свете горящего терема казалось, что на их шкурах пляшут желтые пятна, как на маскировочных комбинезонах десантников. Усевшись на крепостных башнях, змеи внимательно оглядели переполненный людьми двор.

– Куда они поскакали? – наконец глухо, но в общем-то разборчиво рыкнул один.

Народ безмолвствовал. Змеи еще мгновение подождали, видно, надеясь на ответ, потом дружно взмахнули крыльями и, не промолвив больше ни слова, круто взмыли вверх. Зависли над крепостью и наконец безошибочно устремились в ту сторону, куда ускакали богатыри.

– Офигительные спецэффекты! – с уважением сказал кто-то им вслед. – Я и не знал, что у нас такие 3D-шоу бывают! О! Гляньте! Еще показывают!

В ворота гулким галопом ворвался гнедой конь-тяжеловоз с притороченным к седлу оружием.

Поводя ноздрями, как собака, то ли оглядел, то ли обнюхал сбившихся в кучу людей – гневно заржал, топнул копытом и галопом вылетел обратно за ворота, следуя за улетевшими змеями.

Издалека, но все приближаясь и приближаясь, неся зловеющий вой.

– Еще один змей! – с напряженным интересом глядя в ворота, предположил молодой парень.

– Хватит уже гадов, может, великан какой! – аж подпрыгивая от нетерпения, пискнула девушка.

Истошно завывая сиреной, в распахнутые ворота влетела ярко-красная пожарная машина.

– Эй! Ребята! Вы чего тушить собрались? Пожар же не настоящий! – делая шаг к прыгающим с машины пожарным, крикнул парень.

Пылающая балка рухнула у самых его ног, волоча за собой шлейф черного дыма. Бревна терема затрещали, лопааясь с почти пулеметным грохотом. Так и не возведенный до конца венец рухнул внутрь, и столб огня с протяжным гулом взвился в небеса.

Потушить терем не удалось – и вода из брандспойтов, и песок словно растворялись в огненном зареве. Пожар полыхал, пока на месте терема не осталось только пятно сухого серого пепла.

Глава 1. Унесенная ветром

– Забегай скорее! – Андрей распахнул тяжелую дверь и почти втокнул Ирку внутрь. Сам влетел следом. Автоматическая дверь закрывалась медленно, плавно и степенно, и оба зачем-то неотрывно пялились на нее, точно торопя ее взглядами. Когда, едва слышно чмокнув резиновой прокладкой, она наконец захлопнулась, Ирка и Андрей дружно вздохнули с облегчением.

Ирка откинула капюшон куртки. меховая опушка заледенела – на каждую ворсинку словно насадили крохотную белую бусинку. Выглядело забавно, а вот прикасаться было неприятно. Холодный, торчащий дыбом мех царапал шею, как проволочная щетка. Собственная влажная челка назойливо лезла Ирке в глаза.

– Пойдем! – решительно скомандовал Андрей, подхватывая ее под локоть.

Ирка не собиралась вырываться, вот честное слово! Просто... тело действовало само.

– Р-рав! – Ирка шарахнулась, как от удара ножом, угрожающе скаля зубы. Резко выдохнула и от досады прикусила губу.

– Ты чего? – Андрей сперва изумленно поглядел на нее, потом на свою протянутую руку, повертел ладонью, будто в первый раз видел. – Я помочь хотел... Или ты американская феминистка? Борешься за право женщин самим втягивать холодильник на двенадцатый этаж без лифта? – насмешливо поинтересовался он.

– Извини, – пробормотала она. – Я... Случайно! И... У меня дома всего два этажа. Полтора, – уточнила она. Назвать двухэтажным домом Иркину саманную развалюху на дне старой городской балки мог только очень большой оптимист.

– Ага, – неопределенно хмыкнул Андрей и кивнул на ведущую вниз лесенку.

Придерживаясь за покрытую декоративной штукатуркой стену, Ирка начала спускаться, добавляя грязные отпечатки своих подошв ко множеству предыдущих. Отделанные полированным гранитом ступеньки оказались скользкими – будто по живым рыбам идешь. Андрей держался позади, руки демонстративно заложены за спину – дескать, и не прикаснись!

Маленькая полуподвальная кофейня была переполнена – сюда набились все, кого неожиданно налетевшая непогода прогнала с улиц. С трудом лавируя между стульями, Андрей с Иркой пробились к единственному свободному столику у окна. Ирка понимала, почему здесь никто не рвался сидеть – даже в «половинчатое» полуподвальное окно можно было распрекрасно лицезреть царящую на улице мерзость.

– Теперь даже не знаю – помочь тебе снять куртку, или ты мне за это горло перекусишь? – кивая на торчащую рядом со столиком рогатую деревянную вешалку, поинтересовался Андрей.

– Я людям еще ни разу... – возмутилась Ирка и... растерянно уставилась на Андрея. Откуда он знает, что она может... ну, того... насчет горла? – Это ты так шутишь? – жалобно спросила она.

– Нет, я просто подозреваю, что ты вампир, – любезно сообщил ей Андрей, но куртку снять помог. Похоже, вампиров он боялся меньше, чем феминисток.

– Я совершенно точно не вампир. У меня это уже пару месяцев как прошло, – пробормотала Ирка, усаживаясь. Легко говорить чистую правду, когда знаешь, что тебе не поверят.

Смотреть на Андрея было невыносимо – она выставила себя полной дурой! – поэтому Ирка напряженно уставилась в окно. Рыхлые и грязные, как перья из бабкиной подушки, снежинки стремительно неслись по ветру. И сразу таяли, едва соприкоснувшись с темным мокрым асфальтом. Ирка невольно поежилась.

– Да-а, погода – офигеть можно, – проследив за ее взглядом, согласился Андрей. Он помахал забежавшейся официантке, та торопливо покивала... и сразу же умчалась в сторону,

прямо противоположную их столику. – А так хорошо все начиналось... – усмехнулся он, вспомнив чистенькое, аж сияющее бледно-голубое февральское небо и солнечные лучи на черных волосах идущей ему навстречу Ирки. Они успели только шагнуть в аллею, как пухлые грязно-серые тучи со всех сторон облепили солнце, мгновенно утопив его в ключьях серой мглы. Между деревьями развесились серые полотнища мокрого тумана, и задул ветер – болезненно-колкий, будто весь он состоял из тысяч тончайших иголок.

– Змеи, – пожимая плечами, сказала Ирка, словно это слово все объясняло. И неодобрительно добавила: – Лезут, гады.

– Какие еще змеи? – опешил Андрей и поглядел на нее опасливо.

Ирке немедленно захотелось дать самой себе по башке. Похоже, она сегодня твердо решила убедить своего первого в жизни, самого настоящего и даже почти взрослого парня, что она – чокнутая!

– Понимаешь, сегодня Сретенье, – торопливо принялась объяснять Ирка, – примета такая есть... Вроде как народная... Если на Сретенье ясно и солнечно, значит, змеи передумали вылезать, и зима затянется надолго. А если погода такая гадостная, – она ткнула пальцем за окно, – значит, они уже вылезли, и весна будет ранней.

Андрей немного помолчал, переваривая новую информацию.

– Фигня этот народный метеопрогноз! – наконец решительно припечатал он. – В феврале змей все равно не бывает. Они ж эти... холонокровные. При такой погоде они благополучно под корягами дрыхнут, а не весну символизируют.

– Эти змеи не дрыхнут... тем более под корягами, – пробормотала Ирка. – Они не совсем обычные... не настоящие...

Настоящие, еще какие настоящие, только вот Андрею она этого объяснять не будет!

– Есть легенда такая древняя... – вода ногтем по завитушкам клеенчатой скатерти, продолжала она. – Эти змеи живут в другом мире – у нас его Ирий называют, а в Европе *urba orbis*, мир иной. И есть специальные дни, когда они из своего мира в наш переползти могут – Сретенье, 15 февраля, как раз такой день. Когда грань между мирами ослабевает и можно открыть проход. Тогда оттуда, из их мира, ранним теплом и тянет. – До последнего объяснения Ирка додумалась сама – когда из открытой ею под Новый год дыры между мирами дохнуло удушливой влажной жарой и голову закружил терпкий аромат гигантских хищных цветов.

– Змеи из иного мира, – задумчиво повторил Андрей и тоже уставился в скатерть, будто увидел там нечто необыкновенно интересное. Глухо спросил: – Это ты от байкера своего знаешь... ну, который на дискотеку к тебе приходил?

Ирка снова нервно дернулась. Спокойно, спокойно! Это случайность, он просто так сказал, на самом деле он ничего не знает ни о ней... ни кто на самом деле «тот байкер». Она настороженно уставилась на Андрея:

– Почему ты думаешь... что Айт мне про змеев рассказывал?

А также показывал и немножко давал пощупать!

– Айт... – презрительно скривился Андрей, – надо же, какое у него имечко! Тогда точно он. Такие фэнтези обожают. Небось еще и в ролевки играет!

– Он не играет! – с удивившей ее саму резкостью отчеканила Ирка. – И вообще... Он уже месяц как домой улетел!

Ага, истинный облик принял, крылья перепончатые расправил – и действительно улетел. Только чешуя под луной блеснула!

– А это тебе на прощание подарил? – недобро косясь на выпущенный поверх Иркиной водолазки кулончик в виде крохотного, изящно сделанного платинового дракончика, спросил Андрей.

– Не твое дело! – отрезала Ирка, торопливо стискивая дракончика в кулаке.

Опустившийся будто с небес поднос заставил их разорвать сцепившиеся взгляды. Запыхавшаяся официантка принялась расставлять на столе приборы. Перед Ирккой возникло белое-белое пирожное, украшенное узором прозрачных цукатов, похожим на переплетение заснеженных ветвей, под которыми они гуляли с Айтом.

Ирка сжала кулак так крепко, что острые края драконьих крыльев вонзились ей в ладонь. Ну дура, ну дурища какая! Айт улетел и не вернется, а она... Все таскает его дракончика, даже перед свиданием с другим парнем снять не позаботилась! Решила же, что не станет больше думать об Айте, не станет вспоминать, а сама... Андрей сейчас просто обидится и уйдет, и будет, между прочим, совершенно прав!

Она решительно сдернула дракончика с шеи и бросила на стол, придавив ладонью, точно боялась, что тот улетит.

– Вот!

Уже ставший привычным шум ветра за окном неожиданно стих – а потом взвыл с удвоенной силой, как почуявшая добычу волчья стая. Оконная рама мелко задрезбуждала.

– А ты фэнтэзи совсем не любишь? – спросила Ирка и торопливо ковырнула пирожное ложечкой, пытаясь скрыть неожиданно дрогнувшие в голосе слезы. На валяющегося посреди стола дракончика – морда уткнулась под салфетку, крылья беспомощно задраны – она старалась не смотреть. Вот еще не хватало! Да если б кто из одноклассниц сейчас ее увидел – в кафе, со старшеклассником, с самим Андреем, за которым все школьные девчонки бегают... померли б на месте от острой и неизлечимой зависти!

– Совсем не люблю! – в голосе Андрея звучало настоящее презрение. – Особенно я фигаю, когда пишут, как с каким-нибудь парнем, вроде меня, происходят всякие фантастические вещи. А у него до такой степени своих дел нет, что он тут же начинает с волками-оборотнями по буеракам прыгать и на драконах летать! И не в том даже дело, что оборотней не бывает... – увлеченно размахивая измазанной в креме ложкой, продолжал он, – а в том, что они б этого придурка сожрали в первую же ночь! Мозги-то у волков – не для мыслей, они, когда превращаются, должны становиться совсем безмозглыми!

– Совсем, – согласилась Ирка. Она всегда считала, что мышление – не самая сильная сторона ее приятеля, Ментовского Вовкулаки, и его стаи оборотней! Ее саму, когда она превращается в собаку, это, конечно, никак не касается. Собаки вообще очень умные.

– На драконе летать – встречным ветром унесет...

Новый порыв ветра надавил на окно, словно тоже хотел спрятаться в теплом кафе от кружащего над улицей мокрого снега.

– И чешуя наверняка натирает, ты представляешь, какая она жесткая, если ее копыта не пробивают!

– Не натирает, – невольно бросая быстрый взгляд на снятый кулон – ей показалось или морда у дракончика и впрямь стала обиженной? – выпалила Ирка. И тут же осеклась. – Я хотела сказать... Седло какое-нибудь...

– Седло! – вскидывая ложечку, чуть не взвыл Андрей. – Обязательно в кустах завалиется седло для дракона и меч-самоубийца, в смысле, который сам всех убивает, только за рукоять держись! А у главного героя в левой пятке зашифровано наследственное знание языка единорогов и боевых приемов против великанов! – он презрительно фыркнул. – А ведьмы на метле – вообще что-то! Вот придешь домой – сядь на швабру! Как на этой штуке можно летать?

– Я была навеселе и летала на метле, хоть сама не верю я в эти суеверия... – пробормотала Ирка песенку Бабок-Ежек из «Летучего корабля».

Оконная рама грохотала, словно кто-то барабанил в нее кулаками.

– Не-е. Я люблю все настоящее. – Андрей сунул в рот кусок пирожного и принялся жевать, жмурясь от удовольствия, как Иркин кот. – Не понимаю, почему все так балдеют от

экзаменов Гарри Поттера в Хогвартсе? Я вот позавчера в Киев ездил TOEFL² сдавать, так это, по-моему, круче! Выполз оттуда, как выжатый лимон!

– Так ты в Киеве был... – протянула Ирка.

– А ты думала, почему я тебе не перезваниваю? – насмешливо спросил он, щелкая ногтем по своему мобильному, где в памяти наверняка хранились все Иркины звонки.

– Ничего я не думала, – проворчала она.

– Ну видишь, как приехал, сразу тебе позвонил, – не обращая внимания на ее слова, заявил он. – Я, может быть, в следующем году в Штаты учиться поеду, – после паузы сказал он, – собеседования я уже все прошел, осталось только результатов по английскому дожидаться...

– Круто, – кивнула Ирка и поняла, что впервые смотрит на Андрея с искренним интересом. Сама она тоже когда-то пыталась сдать похожие экзамены и знала, насколько это тяжело. Ее тогда с помощью чар обошла одна из робленных ведьмочек Оксаны Тарасовны – а сдать честно... Действительно, по-настоящему круто!

– Круче, чем путешествие в Мордор, где сплошные болота с мертвяками и пещеры с жабами! Я рассчитываю на статую Свободы и Диснейленд! – усмехнулся Андрей.

Ветер обезумел окончательно. Толчок, толчок, еще толчок... ручка пластикового окна дергалась, словно кто-то невидимый раз за разом нажимал на нее, пытаясь открыть. Мокрый снег налипал на стекло, как будто его быстро-быстро закрашивали снаружи белой краской. Тугие снежные смерчки закручивались у самого окна, точно норовили заглянуть внутрь.

Ирка поежилась... и вдруг поняла, что уже давно вот так ерзает на стуле, ощущая чей-то злобный ищущий взгляд. И... только что этот взгляд ее нашел!

Девчонка стремительно повернулась к окну. Стекло вздулось, как радужный мыльный пузырь. Ирке показалось, что снаружи к нему приникла жуткая, перекошенная физиономия со вставшими дыбом всклокоченными волосами...

Стекло взорвалось. Разлетелось в пыль, в прах, в похожие на капли воды мельчайшие брызги. Крохотные осколки на миг зависли в воздухе сверкающим под светом ламп прозрачным полотном...

Сгребая Ирку в охапку, Андрей закатился под стол. В ту же секунду посетителей осыпало стеклом. Кофейня заполнилась криками. Жалаящие, как иголки, осколочки впивались в лица и руки, переливающейся пылью осыпали еду.

– У-у-ух! – вой ворвавшегося в разбитое окно ветра походил на торжествующий вопль. Неистово визжа, ветер ломился в кафе, как вражеская орда в осажденный город. Вихрь снежинок и мелкой стеклянной пыли пронесся вдоль стен, затягивая кафе в кокон смерча.

– Шшш-их! Шшш-их! – лежащий на столе кулон-дракончик дрогнул и поехал к краю стола. Вихрь подхватил его, швырнул в наваленную у стены груды вещей.

– Банг! Банг! Банг! – одна за другой лопались украшавшие стойку пузатые бутылки, и темно-красные струйки брызнули во все стороны, расплываясь кровавыми отметинами на белых скатертях.

– Дзинь-бумс-дзинь! – заплясал смерч по залу. С тонким жалобным дребезжанием разлетались бокалы, с тихим краканьем разламывались на половинки чайные чашки. С хрустом топчась осколки, посетители ломанулись к дверям.

– Бабах! – порыв ветра толкнул створку, и она с грохотом захлопнулась перед носом у самого шустрого.

– Не открывается! Она не открывается! – орал кто-то, отчаянно дергая ручку. Ручка бессмысленно щелкала – видно, от удара заклинило замок.

² Международный тест по английскому языку для иностранцев.

Осколки фаянса летели в посетителей. Девчонки визжали, прикрываясь от брызжущего во все стороны стекла. Залегшие под столом Ирка и Андрей слышали, как над их головами глухо хлопнуло. С края стола тонкой струйкой потек кипяток из лопнувшего белого чайничка.

Столик, что прикрывал их, вдруг отлетел прочь, будто его отшвырнул великан.

Раздался пронзительный свист, и вся носящаяся по кафе стеклянная крошка ринулась к Ирке. Девчонка завизжала не хуже смерча. Мельчайшие частички стекла впились ей в лицо, усыпали волосы, укрывая их тоненько звенящей прозрачной фатой. Слово десятки ледяных ручек вцепились ей в руки, в шею, в плечи, ухватили за шиворот. Ирку вздернуло над полом, как пойманного за шкурку щенка. Скользкий, как змея, сквозняк веревкой обвился вокруг ног. Волосы порывом ветра швырнуло ей в лицо, они залепили глаза и нос, набились в рот...

– А-а-а! – глухо заорала Ирка – ее стремительно волокло к разбитому окну.

– А-а... – Ирка почувствовала, как ее вдруг с силой схватили за запястье, и полет остановился. Девчонка зависла в воздухе, словно воздушный шарик на веревочке. Вихрь продолжал тащить ее к окну, как кот пойманную мышь, но чьи-то крепкие, просто стальные пальцы намертво вцепились в запястье. Мышцы взорвались сумасшедшей болью. Ирку тянуло в разные стороны, как сосиску между двумя голодными псами. Плюясь и мотая головой, она стряхнула волосы с лица...

Ее держал Андрей. Крепко упершись ногами в пол, парень стоял посреди зала. Смерч трепал его со всех сторон – пинал в бока, толкал в спину, налетал спереди и яростно атаковал в лицо. Но парень только сильнее пружинил ноги в коленях – и стоял, точно не чувствуя беснующегося вокруг вихря.

– Руку! Вторую руку давай! – перекрикивая завывания смерча, крикнул он.

Преодолевая сопротивление ветра, Ирка потянулась к Андрею – цепкие пальцы мальчишки сомкнулись на ее другом запястье. Теперь Ирка реяла в воздухе, как флаг.

– Подтягивайся! За плечи хватайся! – проорал Андрей и поволок девчонку к себе.

Ветер бешено затрубил и отвесил Андрею хлесткую оплеуху. Голова мальчишки мотнулась, но он устоял. Ветер завыл снова и принялся выдирать Ирку у Андрея. Слово мощный таран с силой ударил ему в грудь, потом плетью хлестнуло по пальцам. Ирка закричала. Андрей зашипел сквозь зубы... и потащил ее к себе. Медленно, миллиметр за миллиметром преодолевая неистовое сопротивление смерча, Андрей подтаскивал девчонку.

«Андрюшенька, миленький, давай!» – мысленно взмолилась Ирка. Только бы уцепиться, только бы не болтаться в воздухе, как улетевшая с веревки простыня – и она сообразит, что делать! Она вспомнит заклятие, какой-нибудь заговор, она...

Андрей резко рванул Ирку на себя, ее ноги снова коснулись пола, она почти рухнула ему на грудь...

Ветер взвыл, как безумный. Иркину куртку сорвало с вешалки и швырнуло Андрею на голову.

– А-а! – Отчаянно дрыгая руками и ногами, на него летел один из посетителей кафе. Но посетителя отшвырнуло в сторону, будто он врезался не в мальчишку-одинадцатиклассника, а в бронзовый памятник.

– Андрей, берегись! – пронзительно завопила Ирка.

– А-а-а! – Одного за другим посетителей поднимало в воздух. По-лягушечьи растопыряясь и истошно крича, они неслись по кругу, как на карусели – молодой парень и его девчонка, отчаянно цепляющаяся друг за друга пара средних лет, старушка, с ног до головы перемазанная белым кремом...

– Что? Где? – свалившаяся на голову куртка закрывала Андрею обзор, стряхнуть ее не получалось, а выпустить Ирку он не мог.

– А-аа! Не нада-а!

Вцепившуюся в кофейный автомат барменшу тоже подняло в воздух. Тяжелый аппарат взлетел вместе с ней, провод натянулся – и с треском и искрами выдернулся из розетки. Барменшу подкинуло вверх – так подбрасывают воланчик прежде, чем долбануть по нему ракеткой...

С диким воплем она понеслась на Андрея.

– Ложись! – успела крикнуть Ирка.

Увлекая ее за собой, Андрей рухнул на пол...

Барменша зависла над ним... И упала вниз, прямо на Андрея. Вместе с прижатым к груди кофейным автоматом. Автомат стукнул парня по затылку.

– Бац! Бац! Бац! – посетители посыпались на Андрея, точно кто-то стрелял ими из пневматического ружья.

Его стиснутые пальцы разжались и соскользнули с Иркиных запястий.

Из груди девчонки вырвался отчаянный вопль:

– Ма-ма-а!

Ее подхватило, закружило, поволокло... Злорадно хохочущий смерч вытащил ее в пробитую в стекле дыру. Последнее, что она увидела сквозь освещенное стекло, это беспомощно барахтающуюся грудку людей на полу. В стороне валялся разбитый вдребезги кофейный автомат.

Ирку с силой ударило о стену – так разозленный ребенок швыряет игрушку. Дыхание перехватило, перед глазами потемнело, она ощутила во рту отчетливый привкус крови.

Ее бросило на мокрый холодный тротуар, поволокло по обледелому асфальту, переворачивая, как пустую консервную банку. В голове мутилось. Взгляд застилала сплошная белесая муть, из которой то и дело выныривало искаженное лицо – непонятно, мужское или женское – со вздыбленными волосами, извивающимися, как змеи. Ирку опять вздернуло за ноги и ударило о стену дома. Раскачиваясь, точно маятник, она летала из стороны в сторону, и злорадный, истерический, со стонами и всхлипами хохот неся над ней вместе с кружащим ее смерчем.

Из темноты белой завьюженной улицы вынырнул фонарный столб – смерч с наслаждением ударил Ирку об него, рванул, собираясь протащить беспомощную жертву вдоль улицы...

Девчонка от столба не отрывалась. Оплетя его руками и ногами, Ирка обнимала фонарь, прикинув к нему всем телом. Смерч гневно вцепился ей в волосы, тащил... Ирка не разомкнула рук и ног.

«Заклятие, хоть какое ветряное закливание!»

– Витер-витрюк, Стрибогов внук, иды ж ты, небоже, туды, де свиту край, звидси улетай...

Смерч завизжал снова. На краткий миг отпрянул и тут же всей мощью ударил в столб. Оборванные провода, искра, упали наземь. Смерч опять взвыл...

Распластавшись в воздухе, Ирка взвилась в длинном красивом прыжке... Черная лоснящаяся шкура обтянула ее, как комбинезон. Громадная борзая приземлилась на тротуар и рванула вдоль улицы. То взмывая ввысь, то припадая к земле, ветер помчался за ней в погоню.

Хортица неслась со всех лап, чувствуя позади ледяное дыхание настигающего вихря. Обернуться и принять бой? Нет! Ей уже приходилось сражаться с существом, которое превращается в вихрь, – его даже укусить не за что! Но Спиридона – убийцы ведьм – больше нет, это она знает точно, она сама развеяла его в пепел! Так что за новая дрянь и как с ней разделаться?

Хортица мчалась к дому – влететь в ворота, поставить между собой и вихрем закланный забор, границу ведьмина дома, которую неспособен перейти ни один враг, а там уж думать и разбираться, откуда взялся неведомый противник! Хортица выскочила на проспект и длинными скачками понеслась через дорогу, лавируя между истошно гудящими машинами. Настигающий ее смерч вытянулся веретеном, со свистом пронзая воздух, точно над дорогой неся реактивный истребитель. За спиной Хортица слышала вопли автомобильных сигналов и визг шин.

«Хорошо хоть вечер, движение меньше!» – подумала она, бросаясь в ведущий к старой городской балке узкий переулок. Асфальт под ее лапами трескался и проваливался. Она невольно глянула вниз...

Сквозь трещины лезли черви.

Тонкие и толстые, белесые и омерзительно-розовые, они извивались, переливаясь блестящими даже в темноте кольчатыми телами, пульсирующей волной вырывались из трещин, растекаясь по асфальту, захлестывали лапы Хортицы, взбираясь все выше. Хортица завизжала жалобно, как побитый щенок, – и взвилась в небо. Темные, как окрестный мрак, крылья распахнулись у нее за спиной, она отчаянно засучила лапами в воздухе, стряхивая налипших червей. Могучие крылья подняли ее выше...

Смерч налетел с хохотом. Ударил. Захрустели перья. Крыло заломило вихрем назад, оно хлопнуло и бессильно повисло. Хортицу закрутило в воздухе. Смерч безжалостно выворачивал ее уцелевшее крыло. Борзую шарахнуло об асфальт, она покатилась...

Черноволосая девочка в изодранной блузке приподнялась на дрожащих руках, попыталась встать... Медленно, завораживающе танцуя, то взмывая вверх, то опадая, как гипнотизирующая жертву кобра, вихрь приближался.

Ирка чувствовала: если смерч подберется к ней, если она попадет внутрь – все, конец! Она поднялась на дрожащие ноги и начала пятиться, не сводя со смерча глаз.

– Иды соби звидси подали, та до краю свиту... – снова забормотала она.

Черный столб приближался, неспешно и неумолимо.

– Стань там та дмухай до суду-вику! – яростно прокричала Ирка, продолжая пятиться.

Смерч надвигался.

Ирка отступила снова... И уперлась спиной в жесткие доски. На краткий миг оторвав взгляд от вертящегося вихря, она быстро покосилась вбок... Бежать некуда, она стояла, прижавшись лопатками к высокому забору!

Смерч налетел на нее. Леденящий и скользкий холод охватил девчонку со всех сторон. Смерч кружил, скользя по голове, волосам, шее, плечам и груди, как ползущая змея.

– Кха-ш-ш! – теперь вместо хохота Ирка слышала тихое шипение. – Кха-ш-ш! – такое знакомое шипение!

– Айт, – едва шевеля губами, выдохнула она, – Айт!

– Кха-ш-ш! – шипение метнулось яростным рыком, переходящим в громыхание, похожее на раскаты грома.

Гипнотически извиваясь и перетекая друг в друга, перед глазами колыхались белые змеистые линии. В голове словно что-то сместилось, мир поплыл вместе с зыбкими туманными лентами.

– Айт, – снова прошептала Ирка.

Кто это – Айт? Она хмурилась, мучительно пытаясь вспомнить. Это важно. Очень важно. Кто это?

– Айт...

Ленты перед глазами завертелись быстрее, сливаясь в сплошное мельтешение. Ирку затощило, мысли тонули в мерзкой липкой мути.

Нет, она не помнит. Она не помнит! Кто – она? Кто она? Кто? Как ее имя? Она не помнит свое имя! Имя? Что такое имя? Какое смешное слово – и-мя... я... я... Я? Не я... Нет меня...

– А-й-й-т, – бессмысленно улыбаясь, протянула Ирка. Она не знала, что это значит, не знала, кто она, ничего не знала... Ей просто нравилось сочетание звуков – напевное такое:

– Айт, Ааа-й-й-т, Айт!

Хриплый, яростный, злобный вопль донесся из белесого тумана.

От раздавшегося в ответ не менее яростного кошачьего мява зазвенело в ушах.

– Мря-я-у!

Кружащиеся вокруг туманные ленты задрожали... Что-то хлопнуло, словно треснул туго натянутый целлофановый пакет. В белесом водовороте заплясал огонек. Муть распалась, и из разрыва высунулось... нечто. Маленькие пронзительные глазки, патлы мечутся на ветру. В кулаке зажата толстая свеча. Она искрила, как китайский фейерверк, и дымила, будто паровоз.

Содрогаясь от судорожного удушающего кашля, Ирка очнулась. Цепляясь за разболтанные доски, она почти висела на заборе. Что-то мешало в горле, перекрывая доступ воздуха.

Тяжелая ладонь изо всей силы огрела ее между лопатками. Ирка почувствовала, как что-то вылетело у нее изо рта, шмякнулось о забор и стекло наземь. То ли длинный червяк, то ли маленькая змейка извивалась у ее ног, буравчиком ввинчиваясь в мерзлую землю. Ирку скрючило снова – на этот раз от тошноты.

– Мря-я! – Иркин кот сиганул с забора. Трехцветный хвост хлестал из стороны в сторону, из груди вырвался даже не мяв, а горловой, утробный то ли рык, то ли рев. Лапы бешено рыли землю, торопясь добраться до змейки, крючковатые когти сомкнулись, норовя ухватить извивающийся хвост... Гибкий чешуйчатый кончик проскользнул между когтями – и змейка исчезла в земле.

– Мря-я-я! – кот уселся копилкой, жалуюсь, словно его оставили без сметаны. На широкой бандитской морде отражалось глубокое, как море, разочарование.

Ирка выпрямилась, вытирая кулаком рот... и растерянно уставилась в физиономию той, что пришла ей на помощь.

– Бабушка? – пробормотала Ирка.

– А кого ты ще возле своей хаты думала побачыты? – растягивая губы в насмешливой улыбке, рывкнула бабка. – Змия-дракона або видьму на помеле?

Глава 2. Ведьма с доставкой на дом

– Возле своей хаты? – Ирка обернулась и потерянно уставилась поверх забора на дом.

Как... Как она тут оказалась? Они... Они были в кафе... С Андреем. Потом... Потом разбилось окно. Ветер, Андрей ее держал, а потом... Она не помнила! Ирка вдруг с ужасом поняла, что в памяти зияет огромная дыра – провал, подернутый переливающимся белесым туманом, похожим на клубок сплетающихся змей. Она перевела испуганный взгляд на бабуку. В кулаке у той по-прежнему горела толстая восковая свеча, а на Иркино плечо свисала... подпаленная прядь волос. Девочка снова потерянно уставилась на свечу.

– Так это же громовница, которую я утром сделала! Бабушка, откуда ты тут взялась? Где ты нашла мою свечу, которая защищает от грома и молнии? – требовательно спросила она.

– Не знаю я никакой свечки! – будто и не замечая горящей свечи у себя в кулаке, фыркнула бабука. – Ты ж ба – вид грома та молнии захыщае! Доросла дытына, школярка, а в таки дурости верит! Куды тилькы школа дывыться? Свет у нас вырубили, ось я и схопыла свечку, яка пид руку попалася! – бабука ткнула пальцем в сторону дома.

И впрямь, провалы окон зияли черными заплатами на грязно-белых стенах. Даже тусклая лампочка над входом не горела.

– Тилькы зажгла, чую, ты верещишь, – продолжала бабука.

– Я? Верещу? – Ирка аж подпрыгнула от возмущения.

– Авжеж, верещишь! – с явным удовольствием подтвердила бабука. – Тоненько так, жалобно – ай! ай! ай! – и впрямь заверещала бабука. – Ось мы с котом подхватились та й побиглы!

– Мур! – согласился кот.

Она кричала «ай»? Ирка с сомнением поглядела сперва на кота, потом на бабуку. Память по-прежнему молчала.

– На тэбэ що тут, маньяк напал? – без всякого страха, очень деловито поинтересовалась бабука.

– Не-ет, – неуверенно протянула Ирка, – меня... меня чуть ветром не унесло... кажется...

– Тю! – искренне изумилась бабука, – ото пушинка знайшлась – витром ее носит! А ну пишлы до дому, помы що тебя сусидски куры не загребли або сорока в клюве не унесла! – и подхватив Ирку под руку, точно боясь, что та не удержится на ногах, она поволокла внучку к калитке.

Ноги у Ирки и впрямь заплетались. Зимние ботинки налились тяжестью, будто на каждый по тонне грязи налипло. Шаги давались с трудом. Огонек свечи бешено метался, разбрасывая вокруг извивающиеся, похожие на змей тени. Они подползали все ближе, спутанным клубком свивались у самых ног. Кот вдруг выдвинулся вперед и пошел, демонстративно высоко поднимая лапы, точно по воде. Вытянувшийся палкой трехцветный хвост покачивался, как жезл регулировщика. Одним прыжком кот влетел в калитку и требовательно мявкнул. Бабука втокнула Ирку в сад. Калитка захлопнулась.

По тропинке между деревьями они двинулись к крыльцу. Огонек свечи неожиданно успокоился и теперь горел ровненько, словно в морозной февральской ночи наступило полное безветрие. Бабука втощила Ирку в темный, без единого огонька дом, усадила на диван и хлопотала. Укрепила свечу на крышечке от банки, поставила на окно – комната наполнилась загадочным мерцанием, огонек дробился, отражаясь в черном оконном стекле и непривычно темном, безмолвном, похожем на квадратное озеро экране телевизора. Взяла старый плед и накинула Ирке на плечи.

– Мя-я-я! – кот заскочил девочке на колени и, гудя, как трансформатор, принялся месить лапами и тереться об ее лицо лохматой мордой. Черный нос ходил ходуном, щекотно тычась

Ирке в щеку. Только сейчас она поняла, как замерзла, как саднят ободранные ладони, звенит в голове, а стоит закрыть глаза – под веками разворачиваются белые туманные полосы и плывут, плывут...

Глаза зашипало, и по щекам покатались быстрые юркие слезы.

– Ото дило – ты що, ревешь? – всполошилась бабка.

– Ничего, ничего... – всхлипывая и растирая кулаком слезы, твердила Ирка. – Просто расстроилась... напугалась... мы гуляли, а тут ветер... в кафе пошли чай пить, а чайничек разбился... ветер... и пирожное я не успела попробовать... чайничек... беленький... – Ирка заревела в голос, прижимая беспокойно ворчащего кота к себе.

Перед глазами стояло кафе, скатерка, кружевное пирожное, легкий пар над носиком уютного пузатого чайничка, симпатичный улыбающийся парень напротив, парень, которому она нравится... И тут же все кончилось! Все-все исчезло, и чайничек разбился, и снова ветер, и холод, и опасность, которую она даже не в состоянии сейчас толком вспомнить! Ну почему? Почему другие живут как люди – сдают экзамены, переживают, зато потом едут в Америку, или в Европу, или в Китай, или еще куда, и у них куча радостей, и впечатлений, и успехов, и родители ими гордятся, и приятели завидуют (что, может, и нехорошо, но тоже приятно). А у нее все тот же грязный и мрачный город, та же старая балка и хата-развалюха! Ну и еще то ожившие мертвяки, то великаны, то грозящая уничтожить весь мир Дикая Охота! Мертвяков надо упокоивать, великанов развоплощать, духов засухи, голода, чумы и войны – изгонять! И все без отрыва от учебного процесса и прополки бабкиного огорода! Да с прошлого раза, когда в ее городе вышел на ежегодную охоту Спиридон, убийца ведьм, всего полтора месяца прошло! И вот опять! Опять что-то начинается! Снова придется прикладывать нечеловеческие усилия – не для того, чтобы разбогатеть или уехать учиться за границу, или встречаться с классным парнем... А просто, чтобы не дать очередной «неместной» пакости изничтожить прорву народу, и еще просто остаться в живых!

– Не хочу, – прошептала Ирка, утыкаясь лбом коту между ушей, – не хочу быть ведьмой. Не могу. Я ведь даже на море ни разу в жизни не была.

Свеча на окне дрогнула и заволновалась.

– Шо ты там бормочешь? Великое горе – чаю она не напилась! – возмущенно всплеснула руками бабка. – Ото не треба було по всяким кафе лазать – чай за грóши пить, колы дома целая банка того чаю, пей, хоть залейся! А може, ты за той чай вже сплатыла? – встревоженно спросила бабка. – Так треба, щоб вони гроши вернули, якщо у них чайники бьются!

– Не платила, – заикаясь от плача, выдавила Ирка и заревела еще сильнее. Гроши! Деньги! Единственное, что бабку волнует!

– Та шо ж ты тогда ревешь? – обрадовалась бабка. – Пусть они в том кафе ревут. Та заспокойся ж ты! Та налью я зараз тобі чаю. Пирожных нема, та я козюлек напекла. – И она бойко затопотала на кухню.

– Кого? – вытирая слезы торчащим прямо перед носом кончиком кошачьего хвоста, пробормотала Ирка.

– Та козюлек же! Зараз спробуєш! – откликнулась из кухни бабка. Слышно было, как она возится там, в темноте. Затрещала газовая конфорка, голубые язычки пламени загадочно засветились во мраке. Уютно бурчал закипающий чайник, хлопнула дверца духовки и одуряюще запахло свежей выпечкой. Бабка вынырнула из кухни с парящей чашкой чая в одной руке и плетенкой для печенья в другой.

– Ось! – горделиво объявила она, водружая принесенное на стол.

– Что это? – замирающим голосом спросила Ирка.

Благоухая ванилью и корицей, на дне плетенки лежали золотистые печенюшки – в форме закрученных спиралью змеек!

– Так козюльки же! – удивленно поглядывая на отпрянувшую от стола Ирку, повторила бабка. – Сретенье сегодня – козюльки треба печь! Звычай такой! – заявила она и, вытащив из плетенки одну змейку, звучно отхрупала ей голову с черненькой изюминкой-глазком.

– Про Сретенье я знаю, – пробормотала Ирка. Еще бы ей не знать – сама сегодня все утро на кухне воск на громовницы плавила. На подоконнике стояла старая коробка из-под обуви, доверху заполненная спиральными свечами, защищающими от грозы и молнии, изготовить которые можно лишь в день, когда граница между мирами становится проницаемой. Теперь понятно, где бабка взяла свечку. Хотя... Ирка нахмурилась. Ей казалось, что коробку готовых громовниц она унесла к себе в комнату! Неужели забыла? Или бабка шарила по ее шкафам?

– Что-то раньше ты никаких козюлек не пекла! – подозрительно поглядывая на нее, спросила Ирка.

После поездки в санаторий на Новый год бабка здорово изменилась. Приготовленный Иркой подарок – брюки и свитер – приняла с привычным ворчанием, долго бубнила о зря выкинутых деньгах... а потом неожиданно начала носить! Через неделю Ирка обнаружила в бабкином гардеробе еще один свитер, длинный жакет из мягкой шерсти и темно-синий брючный костюм! Бабка перетрясла все шкафы – теперь в кладовке лежала целая стопка половых тряпок, еще недавно бывших старыми юбками и обтерханными кофтами (просто выбросить у нее рука не поднялась, а то б Ирка вообще решила, что бабку в санатории подменили и в доме живет принявшая ее облик инопланетянка!).

Теперь вот еще козюльки!

– Захотела и спекла – що я тобі, отчитываться должна? – знакомо огрызнулась бабка.

Ирка невольно вздохнула с облегчением – раз склочничает, значит, все в порядке, ее бабка! Она обхватила чашку ладонями, отхлебнула – блаженное тепло растеклось внутри. Опасливо откусила от змейки – печенье оказалось неожиданно вкусным. Из-под дивана слышался торопливый хруст – свою долю лакомства кот изъясил быстро и незаметно, прежде чем бабка или Ирка успели возразить.

– От и добре, и нема чого реветь, – сказала бабка, доставая из плетенки еще печенюшку. – Хиба, що телевизор не работает, – неодобрительно поглядывая на темный экран, заключила она.

Лампа под потолком затрещала искрой – и вспыхнул свет. Телевизор загудел, темное озеро экрана прорезала белая полоса, и улыбающаяся девушка на фоне карты с курчавыми облаками зачастила:

– ...непрогнозируемый циклон над центральными и восточными областями. Сильный ураганный ветер гонит нетипичные для холодной февральской погоды грозовые облака – то и дело срысывается дождь, переходящий в град. Пострадал целый ряд домов в центральной части города...

Кадр стал крупнее – камера наехала ближе. С замиранием сердца Ирка увидела знакомые окна полуподвальчика – разбитое вдребезги стекло щетинилось жуткими иззубренными остриями. Тротуар усыпали переливающиеся в свете ночных фонарей осколки. Камера нырнула внутрь...

– Андрей! – чуть не завопила Ирка.

Парень на экране вдруг присел на корточки и стал торопливо разгребать обломки, словно что-то увидел под ними...

В тот же миг зашелся трезвоном Иркин мобильник. Двумя пальцами она извлекла его из кармана джинсов. Надо же – уцелел! Не выпал, не разбился в недавнем... В чем? Ирка снова нахмурилась – она не помнила. Перед глазами, медленно кружа, ползли смутные тени – и плясал, ослепительно сияя, огонек громовой свечи!

Она нажала кнопку мобильного.

– Ирка! Ты где, Ирка, ответь! – надрывался в трубке голос Андрея.

– Я здесь. Не кричи, – с усилием, будто камни ворочала, пробормотала она.

Крик немедленно замолк.

– Живая! – после долгой паузы наконец с облегчением выдохнул парень.

– И живая, и здоровая, – согласилась Ирка. Насчет последнего она была не вполне уверена. – Даже домой добралась, – похвасталась она.

– И что это такое было? – после новой паузы спросил Андрей.

– Ну ты же слышал – циклон, – выдавила Ирка – даже двигать языком было трудно, словно к нему гирию привесили. И пояснила: – Я тут как раз новости смотрю – тебя показывали!

Весть о собственном появлении на экране Андрея не взволновала. Он в очередной раз помолчал и наконец выдал:

– Циклон, который вламывается в подвал и за ноги на улицу вытаскивает.

– Чего только не бывает. – Нейтральным тоном отозвалась Ирка.

Андрей не ответил. Ладно, он ведь звонит – если ему денег на телефоне жалко, можно и помолчать.

– Тебя унесло, а у меня тут куча твоих вещей осталась, – пробормотал он. – Обычно наоборот, вещи уносит, а люди остаются.

Куча – это он куртку имеет в виду? – пожала плечами Ирка, но все равно обрадовалась. Повезло!

– Ты можешь мне ее завтра утром занести? – жалобно попросила она. – А то мне в школу не в чем идти!

– Могу, – согласился Андрей.

Ирка едва не застонала – по его тону было件нятно, что новых расспросов не избежать. Но куртка-то нужна – не в этом же пледе завтра на улицу выходить?

– Заторы на дорогах, повреждены многие линии электропередачи. По прогнозам метеорологов... – продолжала вещать миловидная девушка на экране.

– Много они понимают, те метеорологи! – глядя на оживший телевизор с умилением, как на потерянного и вновь обретенного ребенка, проворчала бабка.

Грязная капля ляпнулась на подоконник возле громовницы. «Подбитый» огонек дрогнул, затрещал, но выпрямился и продолжал гореть. Ирка смотрела на потолок – прямо над подоконником на старой штукатурке расплывалось темное влажное пятно. Медленно набухая, тяжелые капли одна за другой падали на подоконник, каждый раз норовя прихлопнуть словно уворачивающийся от них огонек.

– Говорила – ремонт делать надо, а то скоро нам крыша на голову обвалится, – с совершенно бабкиными интонациями проворчала Ирка и плотнее закуталась в плед, чувствуя себя старой-старой, старше, чем бабка, старше, чем дом!

Бабка в ответ лишь привычно фыркнула. Ирка устало поднялась, склонилась над подоконником – и резко дунула, гася громовницу. Почерневший фитилек обиженно скорчился, исходя черным дымом.

– Чуешь? – бабка подняла палец. – В калитку хтось стучает, хйба ни?

Ирка прислушалась. Издалека доносился размеренный стук – кто-то настойчиво и терпеливо колотил в их калитку.

– Ты кого-то ждешь? – неуверенно спросила она у бабки.

– Сама казала – ремонт робыты треба! – с торжествующей улыбкой сообщила та и, накинув куртку на плечи, выскочила в сад.

Ирка вопросительно поглядела на кота – но его физиономия выражала точно такое же недоумение. Девчонка пожала плечами – и, подобрав свисающие «хвосты» пледа, побежала следом за бабкой. Кто там – бригада ремонтников? На ночь глядя?

Шлепая тапками по садовой дорожке, бабка добралась до калитки и резко распахнула ее.

– Чого колотишь? – вместо приветствия неласково осведомилась она. – Позвонить не могла?

– Я... Я не знала... – тихо прошелестело из-за калитки.

Ирка чуть не споткнулась, запутавшись в свисающем с плеч пледе – голос был девчоночий. Хотя среди ремонтников тоже девушки бывают. Она ускорила шаг. Кот мыкался в ногах, точно проверял, идет ли Ирка.

– Как в дверь звонить не знаешь? – склочно поинтересовалась бабка. – З деревни приехала? У вас там керосинки, та ниякого электричества? Ось пипка звонковая на калитке присобачена – пальцем давишь, та и все!

Ирка наконец добралась до калитки... Кот торопливо просочился у нее между ног, выглянул... И вдруг стремительно взлетел на забор и замер! Потом медленно повернул к Ирке лобастую голову – на кошачьей морде было написано совершенно человеческое изумление! Глаза кота то расширялись, светясь во тьме яркими точками, то сужались в тонкие щелки, усы стояли дыбом, а хвост изогнулся вопросительным крючком, точно он спрашивал: что же это такое?

Толкнув бабку в бок, Ирка наконец протиснулась в калитку... Будь у нее полноценный хвост, сейчас он торчал бы таким же вопросительным крючком, как у кота! Никаких ремонтников за калиткой не оказалось. Там была девчонка! Похоже, старшеклассница, как Андрей и... Неимоверная, просто... просто потрясающая красавица!

Тоненькая, как тростиночка, с талией, о каких говорят «пальцами обхватить можно», девчонка производила впечатление трогательной, слабой, беззащитной. Раненый олененок. Или замерзшая синичка. Черты лица правильные, но все затмевали глаза. Глазищи! Огромные, в пол-лица, темные настолько, что черная точка зрачка полностью растворялась в радужке, блестящие, как антрацит, опущенные длинными ресницами под ровными темными дугами бровей. И волосы! Роскошные пушистые кудри цвета яркого золота закрывали девчонку ниже коленей, как плащ!

– Ух ты! – только и смогла выдохнуть ошеломленная Ирка.

– По объявлению явилась? – спросила бабка и, не дожидаясь ответа, скомандовала: – Та проходи вже, якщо пришла!

Похоже, внешность девчонки не произвела на нее ни малейшего впечатления.

Незнакомка испуганно кивнула и шагнула вперед, путаясь в старомодной клетчатой юбке. Волосы зацепились за щелястый край калитки, она досадливо мотнула головой. Оборвавшиеся волоски так и остались в щелях досок, переливаясь в отсветах электрической лампочки, как настоящее золото. В руке девчонка судорожно сжимала обыкновенную клеенчатую кошелку с потрескавшимися пластиковыми ручками – бабка с такой на базар ходила.

– Ох и худющая ты – чисто глиста в корсете! – бесцеремонно оглядывая девочку с ног до головы, припечатала бабка и вдруг жестко отрезала: – Кормить не буду – у мэнэ тут не столовка! Поняла?

– Поняла, – едва слышно прошелестела девчонка, и ее бледные щеки, казалось, стали еще бледней.

– А якщо поняла, так чебурляй за мной! – скомандовала бабка и решительно промаршировала к пристройке.

– Бабушка! – позвала Ирка, кидаясь в погоню.

Девчонка нервно вздрогнула и покосилась на Ирку глазами испуганной лани, но та уже не обращала на нее внимания – теперь она была полностью сосредоточена на бабке. Путаясь в пледе и коте, она наконец догнала ее...

– Ты что делаешь? – хватая ту за руку, нервным шепотом спросила она.

– А що? – приподняв крашеную бровь, невинно поинтересовалась бабка.

Ирка поняла, что дело худо!

– Кто это такая? – понижая голос еще больше, чтоб не услышала незнакомка, спросила она.

– Так сама ж чула... – Глазки у бабки забежали. Точно так же они бегали, когда она разговаривала с работниками собеса, выбивая субсидию на электричество. Или когда подбрасывала в ведро продаваемых на рынке груш пару-тройку похуже. – По объявлению пришла. Жиличка же наша, ось хто! – И она распахнула дверь пристройки.

– Бабушка! – отчаянно завопила Ирка в полный голос.

– А чого ты на мэнэ кричишь? – тут же радостно перешла в наступление та. – Мала ще на стару бабку отак орать, що уси соседи слышат! А ты – заходь! – скомандовала она девчонке. – Не стой на пороге – помещение выстудишь, сама мерзнуть будешь! – И широким приглашающим жестом предложила ей проходить в темный проем. Та робко шагнула через порог... Бабка щелкнула выключателем. – Ну ось! – торжествующе провозгласила она. – В своей деревне, мабуть, ты такого не бачила!

Ирка застонала. Она ни секунды не сомневалась – ни в одной, самой захудалой деревне такого не видели!

Глава 3. Сдам сарай. Дорого

Сдать их старую, наполовину развалившуюся пристройку стало бабкиным пунктиком еще с прошлого лета. Собственно, сперва она собиралась устроить там второй курятник, но на следующий же день куры разлетелись по всему двору, выбравшись сквозь дыры в прохудившейся крыше. Заселенные на их место поросята смотались, сделав подкоп. Ирка все ноги стоптала, пока их переловила! После того как, выбив рогами висящую на одной петле дверь, из пристройки удалась коза – и канула в ночь, до глубины души оскорбленная предложенными ей жилищными условиями, – от идеи заселить в пристройку какую-нибудь живность бабка отказалась. Вместо этого она заставила Ирку перетаскать туда старый диван, постелила пару трухлявых половичков и в несчастную для него минуту изловила заскочившего в гости Богдана – тот навесил дверь и приколотил пару досок, маскируя самые заметные дырки в крытой гнилой дранкой крыше. После чего бабка объявила, что раз с поросятами и козой не вышло, будет сдавать пристройку студентам. Время от времени даже появлялись привлеченные невысокой ценой молодые парни или девчонки. Но ни одного желающего жить в этой пристройке пока не нашлось!

Ирка уже надеялась, что бабка оставила бредовую затею – и нате вам, появляется перепуганная златовласка с пластиковой кошелкой!

– Тут жить и будешь! – безапелляционно заявила бабка.

Златовласка поглядела на нее раненым олененком и покорно прошептала:

– Хорошо, – и, словно вспомнив, торопливо добавила: – Благодарствуйте.

– Це заместо «спасибо», чи шо? – озадачилась бабка.

– Бабуш-шка! – Ирка перешла на змеиное шипение, и несчастная златовласка задрожала. Да что ж она такая пугливая! – Нам надо с тобой поговорить! – многозначительно процедила Ирка.

– Та шо там говорить, нема чего говорить, – забормотала бабка, но все-таки отступила на полшажочка и остановилась, упрямо поджав губы – давала понять, что никакие Иркины слова не подействуют.

– Где ты ее нашла?

– Так я знов объявление повесила! – пожала плечами бабка. – А то нема жильцов и нема, така гарна комната пустует!

Ирка схватила за голову – видела она эти объявления на столбах:

Чистый Версаль на одну комнату з доброю хозяйкой!

Буду вам ридною мамкою за ваши гроши.

Ухохатывающиеся соседи немедленно переименовали бабку в королеву-мать. И нашлась же дура, которая на такое клюнула! Ирка недобро покосилась на девчонку. Та нервно дышала на руки, ее и без того белая кожа стала практически синей и прозрачной, казалось, каждую жилочку видно!

– Здесь отопления нет! – яростно зашептала Ирка.

– Не холодно, – упрямо буркнула бабка – из ее губ немедленно вырвался прозрачный белый клуб пара.

– Ты посмотри на нее – заболит и помрет, а тебе отвечать! – пригрозила Ирка.

Бабка с сомнением поглядела на девчонку.

– Гей, ты со своей деревни лечиться сюда приехала?

– Я здорова, – прошептала девочка.

– Ось, чула! – бабка торжествующе воззрилась на Ирку. – А шо холодно... можу старый обогреватель дать, нам он все одно не нужен. А ще я одеялок натаскала! – она распахнула дверцы развалюхи-шкафа. Высоченной, как стог, кипой там лежали проеденные молью байковые одеяла. А Ирка еще гадала, куда они делись из бабкиного шифоньера.

– Бери сколько хочешь! – царственным жестом указывая на одеяла, великодушно предложила бабка.

– Благодар... Спасибо, – кивнула девчонка.

– Здесь воды нет! Ни душа! Ни туалета! Нет! Совсем! – закричала Ирка.

– Як це нема? – возмутилась бабка. – Шо ты дивчинке врешь, Яринка – а на двори? И кабинка душевая з баком и той... будочка! З дыркой...

– Бабушка! – Ирка уже стонала. – Февраль! Как она будет в мороз в дворовой кабинке мыться? Только не вздумай, как в анекдоте, говорить: «Сколько там той зимы!»

Бабка, которая, похоже, именно это и собиралась сказать, закрыла рот и надулась.

– Я без воды не могу! – снова испугалась девчонка.

– Яки все зараз нежные стали, – сквозь зубы процедила бабка. – Ладно... Поки холодно, можешь к нам в дом до душу и туалету ходить. – Судя по ее поджатым губам, можно было не сомневаться – она выставит девчонку из своего туалета при первых признаках оттепели.

– Бабушка! – в очередной раз взывала Ирка. Мало ей бабки, которая каждое утро запирается в туалете с газетой и ручкой и вдумчиво прорабатывает там телепрограмму, отмечая каждый сериал, который она хочет посмотреть. Пока Ирка прыгает под дверь, надеясь хоть умыться перед школой! Теперь еще одна конкурентка на ее голову! Или на совсем другое место?

– Чем ты зараз недовольна? – накинулась на нее бабка. – Сама ж казала, що нам ремонт делать треба – а де гроши на це взять, га?

– Я найду деньги!

– Бач, яка богачка знайшлась, – фыркнула бабка. – Все! Моя хата, кого хочу, того и селю! Тебя як звать? – повернулась она к девчонке.

Та пробормотала нечто невразумительное.

– Що – не слышу? Ты шо, глухая – ясно сказать не можешь? Як? Дина?

Девчонка на мгновение заколебалась – и кивнула.

– Ось що, Дина... Платыты ты будешь... – бабка подумала и назвала сумму.

Ирка поперхнулась. Бабка совсем совесть потеряла, нашла перепуганную дурочку и рада! Да апартаменты с евроремонтом столько не стоят! Ирка уже хотела вмешаться...

Златовласка подняла голову, и ее оленьи глаза блеснули.

– Двадцать евро в месяц, – железным тоном отчеканила она. – Больше комната без отопления, без газа и без воды не стоит!

– А свет? – растерявшаяся от неожиданного отпора бабка принялась тыкать пальцем в тлеющую под деревянным потолком тусклую лампочку без абажура.

– По счетчику, – отрезала девчонка.

– Ты ж ба яка! – фыркнула бабка, окинула девчонку неодобрительным взглядом – повернулась и вышла.

– И много ты на двадцать евро наредишь? – злорадно процедила ей вслед Ирка. Но та лишь с треском захлопнула за собой дверь.

Похоже, короткая схватка с бабкой истощила силы золотоволосой Дины. Она медленно опустилась на продавленный диван и понурила голову – длинные волосы рассыпались по плечам и тяжелыми прядями легли на пыльный пол.

Ирка неловко топталась у двери. Больше всего ей хотелось бежать следом за бабкой и продолжить разборки – может, после того, как выкачать из златовласки деньги не вышло, у

той в голове прояснилось, и от неожиданной жилички удастся избавиться? Но поникшие плечи Дины выражали такое беспредельное отчаяние, что Ирка невольно шагнула к ней.

– Ты...

Дина вскинула голову, испуганно пискнула и вжалась в спинку дивана – продавленные пружины басовито загудели.

Нет, все-таки никакая она не здоровая! А больная – причем на всю голову!

– Ты издалека?

Настороженно поглядывая на Ирку из-под падающих на глаза волос, Дина неопределенно махнула тонкой, как веточка, рукой – куда-то в направлении Австралии.

– Долго добиралась? Устала?

Дина обреченно кивнула.

– Я... Сперва заблудилась... Не туда... поехала.

– Понятно, – пробормотала Ирка, – учиться в городе собираешься?

Дина помотала головой:

– Я... У меня... просто... дома... неприятности. Я думала... знаю, что делать. Но теперь... Я тут совсем никого не знаю! И что делать, тоже не знаю... – Дина вдруг сорвалась на глухое бормотание, как в бреду, попыталась встать, но не смогла, пошатнулась и хлопнулась обратно на диван. Руки у нее повисли как плети.

Ну прям мелодрама – девчонка приезжает из деревни в большой город, и оказывается, что никому до нее нет дела и никому она тут не нужна и не интересна. Бабе должно понравиться...

– Слушай! – Ирка поглядела на синие болезненные тени под глазами златовласки и обманные, как в лихорадке, губы. – Ты, может, голодная?

– Ужасно! – сдавленно всхлипнув, вдруг выдохнула Дина.

Ирка тяжело вздохнула:

– Ну так пошли на кухню!

Дина отбросила волосы с лица – и недоверчиво уставилась на Ирку.

– Ты собираешься меня кормить? Почему?

– Потому что ты голодная! – рыкнула Ирка, которой все это уже стало здорово надоедать.

Стараясь, чтоб разошедшиеся петли не слишком скрипели, Ирка открыла входную дверь и молча кивнула – проходи! Дина скользнула в коридор – очередные золотистые волоски остались на притолоке и на собачке замка.

– А... разве мне сюда можно? – шепотом спросила она.

– Видишь? – Ирка многозначительно ткнула пальцем в дверной проем, сквозь который был виден мерцающий телевизор и бабкина макушка над спинкой кресла. – Когда она вот так отчаливает в мир иной...

– В какой? – испугалась Дина.

– В телевизионный! – рыкнула на нее Ирка. – Можно что хочешь делать, хоть хип-хоп танцевать!

– Я не умею, – опять напряглась Дина, точно подозревала, что не умеющих танцевать хип-хоп в дом не пускают и не кормят.

– Большое упущение, – старательно сохраняя серьезность, покачала головой Ирка, – но с другой стороны... – она сделала вид, что думает, и наконец торжествуя, словно нашла выход из почти безнадежной ситуации, выпалила: – Я же тебя и не заставляю!

Дину это заявление почему-то не успокоило – наоборот, она поглядела на Ирку подозрительно, словно ожидала подвоха. Ирка почувствовала, что закипает – оно ей вообще надо?

– Ты, может, помыться с дороги хочешь? – с надеждой предложила Ирка. Ей надо избавиться от Дины хоть на пару минут, собраться с мыслями и переварить знаменательный факт, что теперь у них есть жиличка!

– Да! – вскинулась Дина так радостно, что стало ясно – не просто хочет, а мечтает, но попросить стесняется. Интересно, что у нее за жизнь, если она зашугана до такого состояния? И как она при такой пугливости сумела возразить бабке насчет цены?

Ничего Ирка спрашивать, конечно, не стала, а ткнула пальцем в сторону ванной.

– Сюда!

Дина рыбкой скользнула за дверь. Ирка поглядела ей вслед и покачала головой. Двигается, как выглядит, – потрясающе! Наверняка или танцами занимается, или гимнастикой. Хотя если она и правда из деревни... Интересно, есть сейчас в селах спортивные секции? Ирка понятия не имела – родственников в деревне у них никогда не было. Только вполне деревенский огород и такой же деревенский курятник посреди большого города! Ирка привычно шмыгнула мимо погруженной в телевизионные страсти бабки и принялась доставать из шкафа постельное белье – а то с бабки станется заявить, что про белье они не договаривались, и отправить девчонку спать на голом матрасе!

– Эй, тебе полотенце дать? – остановившись у двери ванной, позвала Ирка.

Там царил абсолютная, нерушимая тишина – ни звука. И вода не текла.

– Дина! – снова позвала Ирка. – Ты что, воду включить не смогла? Эй! – она тихонько постучала. – Тебе помочь? Можно войти?

За дверью раздалось едва слышное, точно мышинное, шевеление. Поняв, что другого отклика не будет, Ирка толкнула створку. Все так же безнадежно свесив руки и опустив золотоволосую голову, Дина сидела на краю старой чугунной ванны.

– Вода включается вот так. – Ирка повернула кран – желтоватая струя ударила в облезлое дно ванны, в старой газовой колонке с гулом стартующей ракеты вспыхнул огонь.

– Спасибо, – прошелестела Дина и опустила голову еще ниже, так что волосы закрыли ее полностью, до самых пят.

– Что теперь не так? – устало вздохнула Ирка.

Дина мотнула длиннющими волосами и наконец тихонько прошептала:

– Дверь не запирается.

Ирка ошарашенно уставилась на дверь. Крючок на ней отвалился давным-давно, никто уже толком и не помнил – когда! Они с Богданом даже как-то попытались приладить его на место, но при каждом ударе молотка от старого прогнившего дерева отваливались влажные кусочки, и Богдан решил бросить эту затею. Впрочем, Ирка с бабкой особо не заморачивались: бежит вода, значит, ванная занята, тихо – свободна. Кто ж знал, что бабке приспичит жильцов пускать?

– У нас тут вообще-то мужчин нет, – дипломатично сказала Ирка.

И глазам своим не поверила – раньше она о таком только читала и даже не предполагала, что можно вот так краснеть на самом деле. Лоб, щеки, шею Дины залила густая, как кетчуп, краска смущения. Ничего себе стеснительность!

– Бабка не зайдет – у нее еще сорок минут сериала, – торопливо добавила Ирка.

– А... а ты? – из-под завесы золотых волос зыркнул темный настороженный глаз.

Ирка поняла, что с нее хватит!

– Ты не знаешь, случайно, за каким лешим я полезу в ванную, когда ты тут моешься? – сквозь зубы процедила она.

– Не знаю. А за каким? – пролепетала Дина, вскакивая и оглядываясь явно в поисках лешего.

– Лешего у нас нет, – решительно отрезала Ирка. – У нас даже домовые не водятся.

Еще бы – где вы видели домового, который по доброй воле согласится жить в доме ведьмы!

– Я даю тебе честное слово, что сюда не зайду! – Ирка повернулась и вышла. Иначе она могла не выдержать и выставить девчонку вон из дома.

Ирка поставила чайник на огонь и раздраженно загремела посудой. В ванной продолжала шуметь вода.

– Кажется, мое честное слово ее устроило, – прислушиваясь, пробормотала Ирка и полезла в холодильник за маслом.

Дверь негромко хлопнула – и на пороге кухни появилась Дина.

– А у меня уже чайник закипел, – принужденно улыбаясь, повернулась к ней Ирка... и осеклась. – Ты что делаешь-шь? – наконец прошипела она.

– А что? – испуганно завертелась на месте Дина. Стекающая с ее насквозь мокрых волос вода чертила тонкие струйки на линолеуме. С каждой пряди капало, коридор от ванной до кухни был усеян темными точками, будто дождь прошел.

– Ты чего волосы не высушила? – продолжала шипеть Ирка, представляя, как Дина сидит на табуретке в кухне, а с волос все течет и течет, под столом расползается лужа, вытекает в коридор, просачивается в комнату – и подбирается к восседающей у телевизора бабке. Ирка решительно втолкнула Дину обратно в ванную. – Я тебе сейчас фен дам. На, сушишь. – она не только воткнула фен в розетку, но на всякий случай еще и рычажком щелкнула, выставив на максимум, и протянула Дине гудящий агрегат. – Только давай быстрее, а то чай остынет! – Ирка вышла.

Дина осталась одна. Она держала жужжащий фен на вытянутой руке – словно пойманную осу – и явно не знала, что с ним делать. Ирка читала в Интернете, что в Сибири есть деревни, где не видели ни мобилок, ни телевизоров. Наверное, фенов там тоже нет. Похоже, Дина из такой деревни.

Фен продолжал гудеть, а потом... В ванной резко, пронзительно затрещало, словно там собрались тысячи кузнечиков. Лампочка под потолком мигнула, рыдающие в комнате телевизионные голоса оборвались на полувсхлипе... и тут же все выровнялось. Свет продолжал гореть, замолкший телевизор забубнил снова... Только фен больше не гудел.

– Эта дура сожгла фен! – выдохнула Ирка, бросаясь к ванной.

Дверь распахнулась, едва не съездив ее по лбу, и на пороге появилось... нечто, похожее на солнышко, как его рисуют дети – посередине кружочек и расходящиеся во все стороны лучи. Золотые волосы Дины торчали, как на ершике для посуды – и не проходили в дверь.

– Ты что с собой сделала? – умирающим голосом спросила Ирка.

– Ты сказала – быстрее, – пробормотала Дина.

– Но я же не сказала себя изуродовать! – выпалила Ирка и дернула Дину к себе. Стоящие торчком волосы, прижатые дверным косяком, на мгновение сложились пополам и тут же снова распрямились. Задетая их кончиками кухонная лампа заплескала, разбрасывая по стенам черные тени.

– Сиди здесь! – толкнув Дину к табуретке, скомандовала Ирка. – И ничего не трогай! То есть – совсем ничего! – и она со всех ног рванула к себе в комнату.

Никогда еще Ирка не бегала по лестницам с такой скоростью! Вот сейчас примчится обратно и обнаружит... Она не знала, что именно, но не сомневалась – Дина что-нибудь да придумает. Оригинальное. Может, чайник на голову наденет. А может, микроволновку в духовке зажарит.

Но Дина сидела, выпрямившись, будто палку проглотила, и аккуратно держала руки сложенными на коленях. И даже ноги поджала под табуретку, чтоб ни до чего не дотрагиваться. Ирка вздохнула с облегчением и тут же снова заторопилась – не хватало еще, чтоб бабка после сериала за чаем приперлась и застала Дину в таком вот виде! Со свету сживет обеих!

– Так, садись сюда, – сказала она, поднимая табуретку вместе с сидящей на ней девчонкой и переставляя к столу.

– Ты... очень сильная, – как всегда испуганно пролепетала Дина.

– Тебе показалось, – отмахнулась Ирка – в конце концов, если она не знает, как с феном обращаться, авось и оборотнической силы не заметит. Звякнула микроволновка. – На, ешь! – заявила Ирка, хлопая перед Диной тарелку с разогретой картошкой.

– Спасибо, – в очередной раз трепетно поблагодарила Дина и... опасливо потыкала картошку вилкой в бок, точно боялась, что та оживет и на нее кинется. – А... что это?

Ложка выскользнула у Ирки из рук и со звоном свалилась в мойку. Она медленно повернулась к гостье и недоверчиво спросила:

– Ты что, картошки никогда не видела?

На кухне повисло напряженное молчание.

– Конечно, видела, – наконец пробормотала Дина. – Много раз. Я просто... ее не узнала.

Ирка посмотрела на тарелку. Картошка выглядела картошкой, пахла картошкой и цвет у нее был как и положено – картофельный.

– Не узнала, – глубокомысленно повторила Ирка, – вы с ней очень давно не виделись. – Похоже, в Дининой деревне пропустили не только изобретение фена, но и попытку Петра I заработать на ввозе импортных корнеплодов.

Дина не ответила, а только набила рот картошкой и замерла, выпучив глаза – горячо! Вот и хорошо, вот и расчудесно, вот и помолчи!

Ирка вытащила из коробки «утюжок». Эту керамическую плойку для выравнивания волос Оксана Тарасовна оставила здесь под Новый год. С тех пор ни старшая ведьма не возвращалась к Ирке за вещами, ни Ирка не торопилась их отвозить – видеть друг друга двум ведьмам совершенно не хотелось. «Утюжок» так и валялся у нее в комнате – и вот теперь пригодился.

Ирка попыталась ухватить Динины торчащие пряди.

– А подстригать их ты не пробовала?

Дина подавилась картошкой.

– Нет! – испуганно выкрикнула она. – Мои волосы нельзя стричь!

Ирка внимательно поглядела на нее.

– И что, ты никогда-никогда даже концы не ровняла? Даже челку? Впрочем, что я спрашиваю... – пробормотала она себе под нос. – И так видно! – она помахала нагретым «утюжком» и нацелилась на вытянутую прядь.

– Что ты делаешь? – Дина попыталась прикрыть волосы ладонью.

– Пытаюсь сделать так, чтобы тебя завтра на улице за сумасшедшую не приняли. Убери руку. – Ирка зажала волосы плойкой и медленно повела вниз – чтобы вытянуть прядь во всю длину ей пришлось выбраться в коридор.

– А что, могут принять? – завертелась на стуле Дина.

– Нет! У нас абсолютно все по улицам со вздыбленной шевелюрой бегают! – злобно буркнула Ирка. – Моя бабка для этого в магазины ходит – глянет на цены, и готово, волосы торчком! Ты чай с молоком пьешь или как?

– С молоком, – благоговейно повторила Дина, – а можно... – она покосилась на возящуюся с ее волосами Ирку и будто о невесте каком одолжении попросила: – Можно просто молока?

– Можно, – мгновение поколебавшись, кивнула Ирка и вытащила из холодильника банку. Молоко бабка покупала на рынке, всегда долго выбирала, пробовала, а потом утром и вечером придирчиво изучала банку на свет, проверяя уровень жидкости, и вела затяжную войну с котом, доказывая, что животные должны довольствоваться магазинным молоком. Кот категорически не соглашался. Наверняка утром бабка прицепится, куда молоко делось. Ничего, решила Ирка, скажу, что сама на ночь выпила.

Дина приняла чашку в сложенные ковшиком ладони, поднесла к лицу, потянула носом, вдыхая запах молока, и наконец благоговейно, недоверчиво отхлебнула.

Из-под стола недовольно мякнули.

– Не жадничай! – буркнула Ирка, отпихивая ногой высунувшуюся насуспенную морду. – Сейчас и тебе плесну...

Пропадать, так ко всеобщему удовольствию!

Дина пила. Медленно, крохотными глотками, закрыв глаза – и ей было совершенно все равно, что Ирка делает с ее волосами!

– Ну вот, – удовлетворенно сказала та, откладывая «утюжок». – Совсем другое дело! Пойди посмотришься, – кивнув на зеркало в коридоре, сказала она.

Дина вытрясла на язык последние капли молока, с сожалением заглянула в чашку, но попросить еще не решилась. Послушно, как все, что она делала, встала и пошла к зеркалу.

Выпрямленные пряди шли ей даже больше всклокоченных кудрей. Волосы уже не падали на лоб, открывая личико с мелкими правильными чертами. Дина выглядела строже, элегантней и ухоженней – это впечатление не разрушили ни вытянутая на локтях кофта, ни старомодная юбка. Волосы – тонкие, нежные и вместе с тем тяжелые – сбегали по плечам гладкими реками золота, окутывали ее сверкающим плащом. Дина равнодушно посмотрела на себя в зеркало. Она что, совсем не понимает?

– Выглядишь даже красивее, чем раньше! – возмущенная тем, что результаты ее трудов не оценены по достоинству, выпалила Ирка.

– Красивее? – удивилась Дина.

– Вот только не надо делать вид, что не знаешь, какая ты красавица! – фыркнула Ирка. Терпеть не могла такого вот скромненького выпендрежа – ах, я совсем не красивая, ах, винтажные джинсы мне не идут, ах, бриллианты шею натирают! – У тебя дома, откуда ты там, наверняка все парни были твои – и тут так будет!

– Парни? Парни? – Кажется, Дина окончательно растерялась.

– Может, тебе заколки дать? У меня есть парные стрекозки со стразами – подколешь с двух сторон, чтоб волосы в глаза не лезли! – предложила Ирка. – «И перестанешь ими за все ручки цепляться», – мысленно добавила она.

– Нет! Не надо заколок! Я... Я не дамся! – снова завопила Дина – еще немного, и ее вопль перекрыл бы латиноамериканские страсти в телевизоре. Обеими руками она ухватилась за свои патлы и уставилась на Ирку, как несчастная жертва на маньячку, зловеще подбирающуюся к ней в темном переулке... с заколками-стрекозками в стразах.

– Так! С меня хватит! Устала, спать хочу – день был кошмарный! – сказала Ирка. Поела-попила, с ума сходить проваливай по новому месту жительства, дорогая! В пристройку. Авось до утра оценишь ее в полной мере и свалишь! Ирка сунула Дине в руки постельное белье и подтолкнула к дверям.

Дина покорно шагнула за порог. Через минуту Ирка догнала удаляющуюся по садовой тропинке маленькую поникшую фигурку – и протянула банку с молоком. Все равно утром бабка найдет повод поскандальить – так чем молоко хуже любого другого?

– Я... Доставила тебе много беспокойства? – спросила Дина, и вопрос ее звучал странно. Словно она пыталась оценить результаты дня.

– Ничего, – мотнула волосами Ирка, – может, это и к лучшему, что ты у нас поживешь...

И не договорив, побежала обратно. К лучшему, потому что здесь Ирка сможет за ней присматривать. Слишком уж очевидно, что с их жиличкой... скажем, что-то не так! Ирка давно уже перестала списывать происходящие с ней необычные вещи на случайности, совпадения или игру воображения. Другое дело, что иногда «необычности» оказывались совершенно безобидными – вроде замерзших до полусмерти и уже не способных даже плакать чертенят, которых Ирка подобрала на улице после Водосвятия. К утру они отогрелись и благополучно убрались к чертовой матери. То есть к своей родной, которая уже разыскивала их по всему городу. Или молодого потопельника, всплывающего из реки каждый раз, когда Ирка шла по набережной, и время от времени выкидывающего на асфальт к ее ногам мелкие сувениры – то

рыбку, то лягушку, а один раз даже пару раскисших в воде туфелек на высоком каблуке. Ирка подозревала, что потопельник на нее запал, а потому старалась по набережной лишний раз не шататься – все-таки синие и распухшие парни были не в ее вкусе.

Ирка заглянула в ванную – еще насчет сломанного фена с бабкой объясняться! Она шелкнула рычажком... фен бойко загудел, гоня теплый воздух в подставленную ладонь. Ирка удивленно хмыкнула – надо же, не сожгла! А чего ж тогда искрило? И волосы... Ладно, со временем разберемся. Ирка свалила грязную посуду в раковину – помоем завтра утром. А сейчас – спать! Позевывая, она стала подниматься по лестнице. Надо же, с этой Диной она даже не вспоминала недавний кошмар в кафе! Вопрос только, что сказать Андрею, если он завтра действительно куртку принесет.

Ирка забралась в кровать и натянула одеяло до носа. Это какая уже по счету куртка у нее пропадает? При таких темпах пятидесяти тысяч на ее банковском счету хватит ненадолго! Ла-адно, как говорит бабка: «Спасибо вам, добродии-грабизники, шо взяли лише гроши, та оставили чоботы!» Могла ведь пропасть не только куртка...

– Кулон! – со страшным криком Ирка села на постели – сна не было ни в одном глазу. Она судорожно зашарила по груди, пытаясь нащупать привычные грани крыльев, вытянутую лукавую морду – но уже и так знала, что медальона-дракончика на шее нет! Она сняла его первый раз за прошедшие после Нового года полтора месяца – и его унесло ветром! Он пропал!

– Айт, – прошептала Ирка. – Айт.

В калитку заколотили. Сперва сильно и гулко, словно лупили ногой. Потом дробно замолотили чем-то тяжелым. Потом резко и требовательно, раз за разом – дзинь-дзинь-дзинь! – затрезвонил звонок.

Но Ирка уже летела вниз по лестнице, в дверь, через сад по тропинке, непрерывно, как заклятие, повторяя:

– Айт, Айт, Айт...

Она схватилась за ручку и распахнула калитку, едва не сорвав ее с петель...

Тяжелая, окованная металлом рукоять плети едва не врезалась ей в лоб.

– О! Пробач, дивчинка – ты не открываешь, ось мы все колотим, та колотим! Дело-то спешное! – торопливо пряча плетъ за спину, смущенно пробормотал длинный, похожий на Дон Кихота мужик в кольчуге тугого плетения и плоской милицейской фуражке, сдвинутой на затылок.

По улице бродили тени и закованные в кольчужную сталь кони.

– Дядька Мыкола? – растерянно пробормотала Ирка.

– Та я ж! – радостно кивнул длинный и еще радостней добавил: – А мы до тэбэ! Заходь, хлопцы!

Раздалось звучное лязганье, и, неся перед собой щиты, в калитку один за другим промаршировали пятеро богатырей. Шестой – дядька Мыкола – наклонился к Иркиному уху:

– Тут бач яке дило – помощь твоя потрибна! – вздохнул он. – Беда у нас дуже великая – змей через заставу, того, нелегально просочился. Шукать его треба, видьмочка! – просительно закончил он.

– Айт, – прижимая ладонь к губам, прошептала Ирка. – Айт.

* * *

За окружающим дом забором слышались возбужденные голоса, звяканье металла и конское ржание. Потом все стихло.

По темной улице негромко процокали подковы. Крупный гнедой конь тяжеловесной рысцой прошел вдоль дороги. Остановился у закрытой калитки и сильно потянул ноздрями воздух. Разочарованно фыркнул, выпуская клубы белого пара. Закрутился на месте, как потерявший

след пес. И побрел дальше, то и дело высоко задирая гривастую голову, будто принюхиваясь. Притороченные к седлу меч и щит равномерно покачивались.

Глава 4. Змей-нелегал

Ирка собиралась поставить памятник телевизору. Прямо посреди сада. И каждый день мелко ему кланяться и поминать добрым словом создателей этого дива дивного, чуда чудного, без которого ее жизнь давно бы превратилась в ад. Иначе как, например, бабка могла бы пропустить появление в их халупе шестерых вооруженных мужиков с лошадьми? А с телевизором... Ирка заглянула в комнату – на экране по-прежнему бушевали сериальные страсти: на этот раз не про несчастных добрых мексиканок, которых все обижают, а про добрых и еще более несчастных российских ментов, которые сами кого хошь обидают! Бабка спала, обвиснув в кресле, распустив губы и тихонько похрапывая, но ее лицо продолжало напрягаться в драматические моменты и озарялось благостной улыбкой во время любовных сцен. Ирка была убеждена, что за годы общения с телевизором у бабки образовался орган, проецирующий события с экрана прямо в мозг, так что смотреть она продолжала и во сне. Наверняка поэтому обычно, в кровати, бабка спала, как все нормальные люди, зато у телевизора – так, что пушками не добудишься, разве что в перерывах на рекламу! Естественно, выключать телевизор Ирка не стала, просто тихонько убралась к засевшим на кухне богатырям.

– Ну шо у нас ще нового... З батьком твоим, Хортом, все по-старому. Ото колы ты у нас на Хортице була, он чуток ворухнувся, начебто выглянув з свого алтаря, а як поїхала геть, так знову тишина – ани слуху от него, ани духу. Алтарь пустий стоїть, але ж не мертвий, ні... – дядька Мыкола сдвинул блин милицейской фуражки на нос, чтоб легче было добраться до затылка, и принялся скрести в нем всей пятерней. Видно, рассчитывал расшевелить пласты залегания мысли в поисках нужного слова.

– Как в коме, – подсказал один из богатырей. Наморщив лоб и по-детски вытянув губы трубочкой, он дул на горячий чай и до смешного напоминал Алешу Поповича из мультика. Такая же простецкая физиономия с распахнутыми наивными глазами и румянцем во всю щеку. То ли с него мультяшного героя рисовали, то ли, наоборот, сам он под Алешу подделывался. То ли просто – против имиджа не попрешь.

– Тебя как зовут? – разглядывая его в упор, спросила Ирка.

– А Федором, – пробормотал богатырь, глядя в пол, как детсадовец, – Алексеевичем... – с гордостью добавил он.

Ирка судорожно закашлялась.

– Фамилия, случайно, не Попов?

Глаза Федора Алексеевича распахнулись еще шире, налились совершенно детским изумлением, от полноты чувств он сунул в рот ложку меда и восторженно прочавкал:

– Гляди, таки ж ведьма!

– А то! – дядька Мыкола горделиво усмехнулся в вислые усы – будто Ирка была его личным достижением, над которым он работал годами. – Ты б заехала, что ли... Разобралась, чого це папаня твоя – раніше по землі шлявся, як заведений, а тепер зі своєю каменюки і носа не каже. Дай бог пам'яті, скільки вже годків... – дядька Мыкола зашевелил пальцами, подсчитывая.

– Примерно шестнадцать, – любезно-зловным голосом сообщила Ирка.

– О! Точно! – Фуражка вернулась обратно на затылок. – Откуда знаешь?

– Так она ведьма ж – все знает! – почтительно выдохнул Федор Алексеевич и запил почти-тельность чаем.

– Из своего свидетельства о рождении, – все тем же зловным тоном ответила Ирка, – пятнадцать лет плюс еще девять месяцев до того. И мне совершенно неинтересно – сидит он, не сидит, шляется... Со-вер-шен-но! – отчеканила Ирка.

Вообще-то в нормальном мире принято, чтоб родители интересовались детьми! Выясняли, как у них дела, и что не в порядке! Ладно, она это пережила. Привыкла, притерпелась, смирилась... С тем, что у всех – у Таньки, у Богдана, у ребят в классе – есть мама и папа или хотя бы кто-то одни! А она – отца с роду не видела, так же, как и он ее, да и мама на сегодняшний день стала размытым, смутным воспоминанием. Светлые волосы, плащ, дорожный чемодан в руке – улыбка и слова, фальшивые, как стекляшки в маминых серьгах. «Я вернусь, Ирочка, обязательно вернусь, вот только денежек немного заработаю...» Не вернулась. Не позвонила, не написала... Не вспомнила. Хотя Ирка точно знала, что у матери все хорошо – едва успев стать ведьмой, она отыскивала ее через зеркало. Чего теперь стыдилась до слез – зачем разыскивать того, кому ты не нужен, кому хорошо и без тебя? Она не собиралась выяснять, почему ее отец, бог природы и растений, крылатый пес Симаргл-Симуран, безвылазно сидит в своем похожем на надкушенный бублик каменном алтаре. Если бы ему понадобилось Иркино внимание, он бы за пятнадцать лет как-нибудь себя проявил, а так... У него своя, божественная, жизнь, у нее – своя.

На укоризненный взгляд Мыколы Ирка ответила таким темным, мрачным взглядом, что даже обычно невозмутимый дядька смутился и уткнулся в свою тарелку.

– Батюшкой не интересуетесь, так к нам бы заглянули, разлюбезная Ирина Симурановна! – выдохнул ей в ухо бархатный голос. – Мы б счастливы были! Особенно я! – И Еруслан наклонился к Ирке поближе, будто обнимая трепетным, обволакивающим взором.

Ирка лишь коротко глянула на него и отвернулась. На этого богатыря она старалась не смотреть – потому что он... смахивал на Айта. Такой же черноволосый, высокий, гибкий, с завораживающей грацией движений. Правда, волосы длинней и курчавей – вот уж точно, как в былинах, буйные кудри! И выглядит старше – не восемнадцатилетним парнем, а взрослым мужчиной. И глаза... Ни у кого больше нет и быть не может глаз, как у Айта, – изменчивых, непостоянных, то холодно-серых, как река зимой, то гневно-темных, как штормовое море, а то вдруг синих-синих, смеющихся, как волны под солнцем...

– Ты б, Еруслан, ручонку у ведьмы з коленки прибрал, – насмешливо сказал дядька Мыкола. – А то вона, сдается мне, зараз думает, як ту ручонку в ершик для бутылок превратить – али еще какое непотребство над тобой учинить!

Третий богатырь – на богатыря он походил меньше всех, скорее на качка-охранника с рынка, такой же неуклюже-плечистый, с толстым бычьим загривком – гулко захохотал.

– Не можете вы быть такой жестокой, Ирина Симурановна! – прочувственно сказал чернявый, но руку все-таки убрал. – Зовите меня Русом. А еще лучше – милым...

– Милый, – предостерегающим тоном сказала Ирка, – еще раз меня Симурановной назовешь – одним ершиком для бутылок не отделаешься! Весь будешь... как хозяйственный магазин!

– Как-то вы неправильно меня «милым» зовете. Совсем не мило... – разочарованно пробормотал чернявый Еруслан.

– Ты, Яринка, на него не сердься, – посмеиваясь, продолжал дядька Мыкола. – Он от Змиулана род ведет, тот ему родным дедусем приходится, а воны вси, Змиуланьчи, на девках помешанные. Але ж богатырь славный, плохо нам придется, ежели ты его в якусь кухонную утварь перекинешь.

– Никто меня не понимает! – трагически подрагивающим голосом вздохнул славный богатырь Еруслан Змиуланович. – Но вы-то, вы... – и он призывно заглянул Ирке в глаза.

– И я тоже – нет, – отрезала она, теперь уже глядя на него совершенно спокойно. Сходство с Айтом развеялось, как и не было его. «Айт бы никогда не стал вот так со мной заигрывать», – подумала Ирка и постаралась прогнать мгновенно вспыхнувшее сожаление.

«Качок» опять гулко захохотал.

– Тише – бабу разбудите! – шикнула на него Ирка, на всякий случай прикрывая дверь в кухню.

– То Вук, – кивая на него, сообщил дядька Мыкола – и в его голосе неожиданно прозвучало глубочайшее уважение, даже некоторая почтительность.

Вук широко усмехнулся Ирке, кивнул коротко почти под ноль стриженной башкой. Ирка вопросительно перевела взгляд на пару оставшихся – таких же чернявых, как Змиуланч, и еще более худых. Настолько, что сквозь запавшие щеки, казалось, аж кости черепа проступают. Походили они друг на друга, как близнецы, и даже двигались одинаково – синхронно откусывали от бабкиных козюлек, одним движением поднимали чашки.

Дядька Мыкола неожиданно снова смутился – и торопливо отвел глаза, старательно глядя мимо «близнецов». Те продолжали невозмутимо прихлебывать чай. Представлять их, похоже, никто не собирался.

– Смотрю, давние обычаи блюдешь – змеек на Сретенье печешь, – пробормотал дядька Мыкола, неловко кроша печенье на блюдце. – Так, чого ще у нас нового на Хортице-от? А, Пилипка повернувся, знов конопельки свои ростит!

Ирка мучительно покраснела. В том, что Пилип з конопель, хозяин хортицкого конопляного поля, удрал с острова, была виновата именно она. Тогда ей казалось, что она сделала доброе дело – остров почище станет. Но за последний месяц Ирка, не поднимая головы, читала все, что касается змеев и драконов, и даже осилила несколько сложных научных трактатов, переполненных непонятными словосочетаниями вроде «основной миф» и «тотемные предки». Теперь она точно знала, что без конопли богатырской заставе на Хортице никак нельзя – ведь только этого растения до мути, до рвоты не выносят проникающие из иного мира змеи. Так, что сразу слабеют, стоит только коснуться их конопляной веревкой. Вместе со знанием пришла и неприятная догадка, что если б не сгоревшая Пилипова конопля, ей бы никогда не справиться с хортицким Змеем. Замутило гада от дыма, притормаживать стал, реакция не та...

– Ни-ни, ты себя за Пилипку не кори! – точно прочтя ее мысли, вскинулся дядька Мыкола. – Добре вышло – писля того, як ты його шуганула, притих Пилипка, снова делом занялся, растаманов своих приваживать перестал, а то мы вже не знали, як от них здыхаться!

«Близнецы» синхронно поморщились – похоже, даже притихший, Пилип им не нравился.

– Только не помогла та конопля, колы змей вылез, – вдруг очень тихо сказал дядька Мыкола. – И смола не помогла! Почитай, с Кожемякиных времен в первый раз – не помогла! И Котофеич наш – Котофеича-то помнишь?

Ирка кивнула – она помнила полноватого хортицкого полицейского, сквозь человеческие черты которого проглядывал облик крупного полосатого кота.

– Коты-то – с давних-давен первые со змеями борцы. Але ж не сдюжил Котофеич! – горестно пробормотал дядька Мыкола. – Весь как есть поранетый лежит, едва жив остался!

Из угла кухни донесся горестный сочувственный мям.

– Мабуть, хтось могучий на цей раз вылез, – косясь на невозмутимо жующих «близнецов», пробормотал дядька Мыкола. – Слышь, Ерусланка, Расскажи видьмочке, як дело-то было.

Черноволоксы богатырь страдальчески сморщился...

* * *

...– Ну Котофеич, ну отпусти, ну будь человеком!

– А я сейчас, по-твоему, кто? – лениво приоткрыв один глаз, проворчал Котофеич. Его конь бережно ступал по обледелому берегу, узда висела на шее, натягивать ее не было нужды, конь и сам знал, где поворачивать. Мерное качание убаюкивало, заставляя клевать носом под размеренное поскрипывание седла. Сзади, то и дело сбиваясь с ритма, перебирал тонкими ногами конь Еруслана – такой же высокий и нервный, как и его хозяин.

– Она такая девушка, такая! Натуральная блондинка! – Змиуланч восторженно закатил глаза и помотал кудлатой башкой. – Такая раз в сто лет попадается!

– На прошлой неделе, – также лениво буркнул Котофеич, – только та была рыжая.

– Эх, не понимаешь ты томленья моего сердца! – надрывно, со слезой пожаловался Еруслан. – Ну отпусти, Котофеич, что тебе, трудно самому отдежурить?

– Сдурел? – Котофеич подобрал пузо и выпрямился, строго глянув на младшего напарника через плечо. – Это на Сретенье-то? На самый змеиный день?

– Да брось, Котофеич, какие змеи! Ты погляди, денек какой – ни облачка!

Котофеич невольно придержал коня, запрокинул голову и застыл на берегу, довольно жмурясь на ярком февральском солнышке. День был и впрямь хорош – солнце светило, аж жарило с бледных зимних небес. Покрытый плотной снежной коркой берег блистал, на по-зимнему серой днепровской воде, словно косяки ярких рыбок, плясали яркие солнечные дорожки. Даже верхние камни затопленного после строительства Днепрогэса Ненасытца, страшного тринадцатого днепровского порога, ярко переливались выглаженными волнами боками. Ветер легко, едва ощутимо пах весной.

«А может, и впрямь отпустить дурака? – мелькнула у Котофеича ленивая мысль. – Пусть катится к своей сто двадцать пятой ненаглядной! А самому неспешной трусцой ехать дальше по маршруту, в тишине и одиночестве, подниматься на скальные выступы хортицкого берега, спускаться на пустые песчаные пляжи, сладко жмурясь на солнышке и ловя слабые приметы приближающейся весны?»

Котофеич всем телом встряхнулся, брезгливо потянулся и строго отчеканил:

– Мы на дежурстве! Вот сменимся, и катись куда хочешь – хоть к блондинкам, хоть к брюнеткам, хоть к полосатым...

– По полосатым у нас ты мастер, – обиженно пробормотал Змиуланович, – и что ты за человек такой, Котофеич, прям будто не вольный кот, а пес сторожевой...

– Тих-ха-а! – вдруг сбиваясь на кошачье шипение, протянул старший напарник и подался вперед. На еще больше округлившемся лице чуткими антеннами выметнулись кошачьи усы.

Извиваясь в ярком солнечном свете, как большая воздушная змея, длинная серая туча перекрыла солнце. Праздничное сияние берега померкло, днепровская вода вновь стала темной и даже на вид холодной. Чутко прислушиваясь, Котофеич торкнул пятками коня, и тот послушно затрусил к берегу. Змиуланов тонконогий красавец вдруг заупрямился, взбрыкнул, из груди его вырвалось тонкое жалобное ржание.

– Вызывай наших, быстро! – крикнул Котофеич, торопливо расстегивая пуговицы тужурки.

– Из-за одной тучки? – Змиуланч дергал узду, пытаясь справиться с заупрямившимся конем.

– Это прика-аз! – проорал Котофеич – крик перешел в истошный мям, и громадный полосатый котик выметнулся из полицейской формы и, подняв хвост воинственной трубой, длинными скачками понесся к воде.

Еруслан справился наконец с конем и нерешительно поднес рацию к губам. Вызывать ребят не хотелось – тревога наверняка ложная, будут потом паникером дразнить...

Похожее на змею облако словно обвилось вокруг солнца, как анаконда вокруг жертвы. Между скалящихся зловеще, точно зубы старой ведьмы, камней Ненасытца на мгновение закрутилась тугая спираль водоворота – и тут же пропала. Вздыхливая мелкий гравий из-под когтей, Котофеич тормознул у вкрадчиво набегающей на берег днепровской волны. Замер, настороженно поводя усами и приносясь...

Длинная, будто из шланга, струя взметнулась из воды – и метко плюнула в кота, враз вымочив его от ушей до мгновенно поникшего хвоста. И тут же извилистая, как ветка, молния ударила следом. Из реки ударила!

Искристый ореол – как в мультиках! – очертил контур кошачьего тела, и Котофеича отшвырнуло прочь, с силой приложив о скальный срез берега.

– Сюда, все сюда! Тревога! – проорал в рацию Еруслан и, пришпорив коня, погнал его к воде.

Серая поверхность вдруг раздалась – и из раскрывшегося окошка хлынули... водяницы. Истошно визжа, водяные красавицы разбегались по берегу, точно на родном речном дне их поджидало нечто страшное.

– Куда? Куда... что? – заорал Еруслан, пытаясь погнать коня вскачь за улепетывающими водяницами.

Конь взвился на дыбы, заходясь отчаянным ржанием и молотя по воздуху копытами. Не удержавшийся в седле Еруслан грянулся спиной о твердый, как железо, мерзлый песок пляжа. Вздываясь на высоту одноэтажного дома, из воды – совсем близко, прямо у кромки прибоя! – вырастала громадная змеиная голова на длинной чешуйчатой шее. Из похожей на щель пасти вырвалась длинная ветвистая молния – вслед удирающим водяницам.

– А-а-а-хх-х! – охваченные искристым пламенем водяницы зашипели – и взвились в воздух белыми столбами пара.

– Какого рожна к девкам привязался, гад? – вскакивая, рявкнул Еруслан и кинулся между змеем и водяницами.

Громадная голова на гибкой чешуйчатой шее развернулась к нему, как стрела подъемного крана. Прорезанные желтым вертикальным зрачком глаза ящера глянули с презрительным равнодушием – и новая извилистая молния вырвалась из его пасти.

Кажется, последние уцелевшие водяницы помчались дальше и скрылись в оледенелых кустах у берега – Еруслан толком не видел. Выкрутив тело штопором, он метнулся в сторону. Молния ударила в песок, сплавив его в хрупкую стеклянную корку. Заходясь паническим ржанием, Ерусланов конь мчался вдоль берега, и светлая грива развевалась на ветру, как белый флаг.

– Куда? А ну назад! На колбасу пушу! – хрипло заорал ему вслед Еруслан.

– Кха-ш-ш! – то ли шипение, то ли издевательский хохот вырвался из растянувшейся в длинную щель змеиной пасти.

Ржание раздалось снова – и белкой прыгая по уступам скалистого берега, на пляж вылетел толстобокий конек Котофеича. Горестно заржал при виде неподвижного хозяина, но не остановился, со всех копыт ринувшись к Еруслану.

– Ай, молодец, ай, умница! – выкрикнул молодой богатырь, выхватывая привешенный к седлу баллон, похожий на огнетушитель.

– Не знаешь, что это такое? – разворачиваясь к торчащей из воды змеиной морде, зловеще процедил Еруслан.

Змей вытянул шею, точно любопытствовал.

– Ничего, сейчас узнаешь! – чувствуя, как губы растягивает такая же змеиная усмешка, процедил богатырь и повернул вентиль.

Мелкая, как молотый перец, конопляная пыль ударила змею в нос. Все так же паскудно ухмыляясь, Еруслан отскочил в сторону. Что будет дальше, он знал – сейчас у гада глазенки закатятся, лапки подогнутся, и всей тушей змей рухнет в прибой, вытянув шею чуть не до самых прибрежных скал. Когда ребята прискачут, все закончится. Он словно наяву слышал поздравляющие возгласы, чувствовал, как его хлопают по плечам, видел смущенные морды охранников с противоположной стороны и их шефа, плюющего огнем, как... в общем, как ему и положено! А что вы хотели, ребята, проморгать нелегала – это вам не горох лущить! Зато ему, Еруслану, дадут отпуск – на неделю... Прикинуть, где он проведет его, Змиуланых не успел.

Змей затряс окутанной конопляной пылью башкой, громко чихнул – порыв ветра вздыбил Еруслану волосы – и гневно зашипел. Падать он и не думал. Наоборот, шагнул вперед – спинной гребень вспорол стальную ленту реки, громадные крылья распахнулись, выплеснув на берег потоки воды.

– Ничего себе! – яростно выдохнул молодой богатырь – и рванул с седла Котофеича «пистолет», вроде тех, что на заправках бензин в бак подают.

– Бац! Бац! Бац! – вылетевшие из раструба плевки вязкой смолы впечатались в серо-стальную чешуйчатую шкуру, растекаясь уродливыми темными пятнами.

Змей даже не заревел – завизжал! Так вопят девочки, когда вильнувшая машина обрушивается им на белую юбку фонтаны грязной воды из лужи! Желтые глаза налились багровой яростью. Стремительно, и впрямь как атакующая змея, вытянул шею, припав к песку пляжа, громадная башка на мгновение зависла у самого лица Еруслана. Между широких, как кухонные ножи, оскаленных зубов с треском проскочил электрический разряд.

Кованные сталью копыта ударили змея по чешуйчатой башке, заставив его икнуть и судорожно подавиться готовой молнией. Ерусланов конь вернулся. Жеребцу было стыдно, и он бил и бил копытами по змеиной голове, переливая стыд в ярость. Змеева шея изогнулась, как плеть, хлестнуло перепончатое крыло – Ерусланов конь отлетел в сторону, забился на песке, судорожно дергая тонкими ногами.

Змей медленно развернул голову к хозяину. Еруслан отчаянно вскинул «пистолет» на изготовку – очередь смоляных струй врезалась змею в морду, раскрашивая его темными пятнами и полосами, как идущего в бой спецназовца.

– Кха-ш-ш! – целый и невредимый, только еще более злой змей вздыбился над богатырем, и жгущая молния метнулась в лицо...

– Мря-я-я!

Голова змея дернулась, и молния ударила у ног Еруслана. Чешуйчатая шея качалась из стороны в сторону – вцепившись когтями в чешую, на голове змея тяжелой тушкой болтался Котофеич. Яростно работающие задние лапы норовили добраться до глаз рептилии.

– Кха-ш-ш! – шея змея изогнулась назад, едва не коснувшись затылком спинного гребня.

Кот на мгновение завис в воздухе, отчаянно скребя лапами по скользкой чешуе, и рухнул в реку.

– М-я! – сильный удар о поверхность воды вышиб из него дух, его будто шибануло об асфальт – и кот камнем пошел на дно.

Змей метнул следом длинную искристую молнию – вода вокруг канувшего в глубину кота вскипела.

– Котофеич! – налетевший сбоку Еруслан рубанул змея мечом. Острейшая, как волос, заточенная сталь отскочила от чешуйчатой брони. Еруслан прыгнул в сторону, уворачиваясь от выплунутого змеем электрического разряда, заметался, заставляя противника вертеть головой... Проскочил под тяжелой челюстью чудовища, прорываясь вплотную к мягкому подбрюшью...

Земля содрогнулась от топота множества копыт – к месту битвы во весь опор неслись всадники. Из груди Еруслана вырвался торжествующий вопль...

Змей тяжело хлопнул крыльями, гоня ветер, и с места взвился в воздух. Заложил широкий круг над взбаламученным пляжем и понесся на восток, разрезая затянувшие небо грозовые тучи. Мокрые снежные хлопья повалили на песок, смерзаясь в больно барабанившие по плечам льдинки. Вставший конь тяжело ковылял к молодому богатырю. Еруслан поглядел на улетающего змея, на реку... швырнул меч на песок и с размаху прыгнул в воду.

Когда мчащиеся наметом кони богатырской заставы поднялись на береговую кручу, внизу на пляже они увидели Еруслана, за шкуру выволакивающего из воды бессильно обвисшего кота. Полосатая шерсть все еще искрила.

Глава 5. Богатыри в гостях

– Такие вот дела, видьмочка... – подытожил дядька Мыкола, уныло полоща вислые усы в чае. – Нелегал-от наш, мабуть, через «горне пекло», тобто, через водоворот из своего мира выскочил. На водоворотах, там завсегда проход есть. В деревеньку водяных и попал. Ломанулся через нее – да прямо на наш разъезд. Зараз Котофеич пластом лежит, мов шкура якась дохла, в себя не повертається. Мы его ветеринару сдали...

– Ветеринару? – потрясенно переспросила Ирка.

– Дык пока ж он кот – ветеринар-то лучше поможет! – пояснил Мыкола. – Водяницы, на яких тот гад летучий при переходе вылез да паром пустил, давно вже обратно в реку дождем вернулись... Але жить в Днепре больше не хотят! Мало нам, кажут, шо у заводских стоков экология для водяных самая шо ни на есть вредная, так еще и криминогенная обстановка на дне теперь ни к какому лешему! Бузят девки, расплываются в разные стороны – нескольких так вовсе после змиева нашествия сыскать не могут, неизвестно, куда делись.

– Прячутся где-то девушки. Еще бы, такой стресс, – сочувственно вставил Еруслан.

– Где-то... – задумчиво повторила Ирка. Кажется, она знала, где прячется, по крайней мере, одна пропавшая водяница. Во всяком случае, без воды Дина существовать не может, а еще она сама говорила про неприятности у нее дома. Змея, превратившего в пар половину ее подруг, наверняка можно отнести к неприятностям. А что волосы у Дины золотые, так зеленые бывают только у тех русалок, что сдуру к сточным водам заплывают.

– Ну да нам с девками водяными часу нема було разбираться – мы в погоню двинулись. Попервоначалу наздогоняты почалы... Вук-от его в небе шуганул, – кивая на «качка», сообщил дядька. – Так, шо змий на землю опустился.

Ирка с любопытством поглядела на «качка». Зажав в красном, поросшем жесткими черными волосками кулачище бутерброд с колбасой, Вук вдумчиво питался. Отодвигал и сосредоточенно рассматривал хлеб, хмуря выступающие, как у неандертальца, брови, выбирал место, кусал и начинал жевать. Приплюснутые, как у боксера-профессионала, уши ходили ходуном, кривой, видно, сломанный в драке, нос шевелился, и даже кожа на загривке двигалась туда-сюда. Ирка представила его с крылышками – почему-то прозрачными, как у стрекозы, – за обтянутыми черной кожаной курткой плечищами, тоже по-стрекозиному, зигзагами порхающим в голубых небесах. И нервно хихикнула. М-да, его в темном переулке встретишь – испугаешься, а увидеть такого Вука, шурующего среди облаков, – тут и змеиные нервы не выдержат!

Вук, вцепившийся в бутерброд крепкими желтоватыми зубами, скопил на Ирку темный глаз – и неожиданно подмигнул.

– Та на земле мы його не удержали, – грустно и виновато хлюпая чаем, продолжал дядька Мыкола. – Арканы конопляные накинули – а вин порвав!

– Так они же тонкие! – невольно вырвалось у Ирки.

– Та не в толщине ж дело, а в конопле! – досадливо буркнул Мыкола. – Писля них той змий по всем правилам повинный як дохла кура кверху лапами валяться...

Не отрываясь от бутерброда, Вук звучно кашлянул, и старый Мыкола вдруг смутился:

– Я того... Сказать хотив, шо змий – тварь розумна та поважна, и всяку гадость наркотичну на дух не выносит! – торопливо пробормотал он. – А цей – порвав! Та ще и надсмиявся! И улетел! Така гадина! – разглядывая последнюю козюльку в плетенке, пожаловался дядька – и звучно отгрыз печенюшке голову.

– Это был кто-то из главных! Из могущественных! – выпалил Еруслан. – С обычным змеем Котофеич бы справился! Да и я тоже... – поник чернявый богатырь – видно было, что воспоминания о несчастливом бое мучают его.

Так и оставшиеся безымянными «близнецы» вскинулись – явно протестующе.

– Есть мнение, что з головных той змий буты нияк не може, – роняя крошки, прочавкал Мыкола. – Бо царский род николаы против договора не пойдет – з двух же сторон той договор складалы, не як-небудь! Щоб, значит, без приглашения з одного мира в инший не лазать... Ну, кроме батки твоего, звичайно, бо той же везде у сэбэ дома, где Мировое Древо росте – хучь в кроне, хучь в корнях!

Ирка очень рассчитывала, что ее изменившееся лицо спишут на всем известную нелюбовь к упоминаниям об отце. На самом деле она думала о другом. Знала она одного змея, вроде бы тоже царского рода, которому только дай против чего-нибудь пойти! И он, точно, как нынешний нарушитель границы, шикарно плевался водой!

– Как он хоть выглядел, этот змей? – следя, чтоб голос был спокойным и размеренным, спросила она.

– Так кто ж змеючы морды различает? – в досаде выпалил Еруслан и... замер, прикусив губу и смущенно постреливая глазами по сторонам. Вид у него был такой, точно он отчаянно хотел вернуть свои слова обратно. Вук и Мыкола покосились на него укоризненно, «близнецы» остались невозмутимы. – То есть... в горячке боя... кто ж приглядывается? – забормотал Еруслан. – Вроде чешуя была... – глубокомысленно сообщил он.

– Может, даже крылья имелись? И хвост? – заглотив остатки бутерброда, откровенно издевательски прогудел Вук.

– Я хотел сказать – сероватая чешуя! – окончательно скис Еруслан. – Ну... такая... на солнце серебрилась!

– Серебрилась? – глухо повторила Ирка, вспоминая, как зачарованно следила за танцем чешуек под луной – то серо-стальных, то искрящихся брызчатым серебром. И чертили ночное небо сверкающие крылья, и ветер бил в лицо, и насмешливо косился на нее круглый глаз с вертикальным желтым зрачком...

Что же ты натворил, Айтварас Жалтис Чанг Тун Ми Лун, Великий Дракон Вод, царевич-полоз, младший сын Табити-Змееногой? Что ты наделал, Айт?

– Ну, на той стороне вже наверняка знают, хто вин такой – да толку з того? Сретенье-то кончилось! Теперь до Велесовой седмицы... вы ее нынче Масляной неделей зовете – ждать, пока граница знов откроется. Так тож... неделя-то – Велесова! На ту неделю змей в нашем мире такую Силу возьмет, что, глядишь, и связь нам того... заблокирует!

– Велес... – напомнил Вук, – бог скота, торговли, богатств. Бог-Змий...

– Знаю, – раздраженно мотнула волосами Ирка – еще бы ей не знать! – Ну откроется граница – что вам, со змеиной стороны личное дело нарушителя пришлют? С фотографией? – фыркнула она.

– Звычайно ж, ни, – усмехнулся в ответ дядька Мыкола, – бо все ж фотоаппараты, шо мы им передавали, в сокровищнице самой Змееногой хранятся! Она над кожным кадром пуще золота трясется, хоть мы ей сто раз объясняли, шо там вже не пленка, а карта памяти, якої на весь ее змеиный род хватит та ще на полцарства останется! – и Мыкола безнадежно махнул рукой, и в унисон так же безнадежно вздохнули «близнецы». – Ну а сведения та рисованный портрет передадут, як не передать! Навить два портрета – в змейском виде, и в человеческом – тут-то он наверняка людской облик примет.

– С хвостом и крыльями он бы несколько... выделялся, – серьезно добавил Еруслан.

– Змеи будут помогать вам ловить нарушителя? – не веря своим ушам, переспросила Ирка.

– Так на тамошней заставе тоже славные ребята! – с несколько фальшивым энтузиазмом вскричал дядька Мыкола. – Та и договор же ж! – вот это уже прозвучало с несокрушимой уверенностью. – Тилькы мы чекать не можем! Доведеться самим ловить. До города мы його якось отследили, – явно стараясь найти хоть что-то отрадное в сложившейся ситуации, сообщил дядька Мыкола, – а тут вже тоби карты в руки!

– Понятия не имею, на какую карту гадать змея! – помотала головой Ирка.

– Ну не на картах, так хоть на чем – хучь на соли, хучь на перце, хучь на чертовом сердце! – покладисто сказал старый богатырь. – Ты его только найди, а уж мы-то второй раз не сплосшаем! – Мыкола кивнул, следом за ним с энтузиазмом закивали Федор и Еруслан, и даже «близнецы» пару раз наклонили головы.

В устремленных на Ирку взглядах была безграничная уверенность в ее Силах, что она вот сейчас, сию минуту, щелкнет пальцами и сообщит, где именно прячется нарушитель границы меж мирами, и им останется только бежать туда, хватать, крутить крылья (ну или руки, раз уж он в человеческом облике будет) и торжествующе волоочь его в межмировой трибунал – или что там со змеиными нелегалами делают? Федор даже меч перехватил поудобнее.

Ирка растерялась. Еще недавно, когда она только стала ведьмой, под такими взглядами она бы просто не смогла сознаться в своем невежестве! Влезла бы в поиски змея, напортачила, конечно... Но сейчас... Ирка вдруг поняла, что она даже немножко рада своему незнанию и может с чистой совестью отказать. Она... устала.

– Вы меня не поняли, – скрывая за деланым огорчением облегчение, пожалла плечами она. – Я никогда не занималась поиском змеев! И даже не читала про такое! – торопливо добавила она. – Я думаю, вам лучше поискать специалистку, наверняка какая-нибудь ведьма...

Она вдруг осеклась. Лицо дядьки Мыколы стало страшным. Как у школьного физика, обнаружившего спрятанный под обложкой учебника детектив про пятерых ребят, открывших собственное детективное агентство.

– То ты так шутишь? – неприятным голосом спросил старый богатырь. – То наша дивчинка шутит! – кривя губы в деланой усмешке, протянул он и покивал своим богатырям: – Зараз вона трошки подумает, по книжкам колдовским пошукает – и все зробыть!

– Вы что, не слышите? Я же объясняю... – начала Ирка.

– Мени в ванную потрибно! – громко, явно норовя заглушить Иркины возражения, выкрикнул дядька Мыкола. – Дивчинка, покажи мне, де тут у вас що, бо я покы не знаю... – и, до боли стиснув пальцы у Ирки на плече, он с силой выдернул ее из-за стола и почти вынес в коридор.

Что значит – «пока не знает»? Они что, собираются у нее в доме поселиться? Вместе с лошадьми? Ирка взбрыкнула ногами.

– Немедленно поставьте меня на пол!

Мыкола не столько поставил, сколько швырнул ее – и навис угрожающе. Его усы больше не казались унылыми – наоборот, они яростно шевелились.

– Ты що ж таке робышь, видьма? Ты що, не розумиешь – змей в нашем мире, и для чого вин явився, та чого хоче, ниhto не знае. Тилькы за ради доброго дела через границу ломиться никто не станет! Може, завтра вин людей на улицах жрать почнет, а може, и весь мир в распыл пустит – а ты нашла час тут капризы бабськи строить?! Личный состав смущать? А ну живо до работы!

Ирка звучно выдохнула сквозь зубы. Вот не любила она, когда на нее наезжают – хоть кто! Конечно, дядьку Мыколу она уважает, но разговаривать в таком тоне не позволит никому – что она, девочка? То есть она, конечно, и девочка, и школьница, но она еще и ведьма! Оборотень! Победительница Дикой Охоты и Ганны Николаевны, двухсотлетней киевской ворожейки из Министерства образования!

– Это вы не понимаете, – изо всех сил сдерживаясь, процедила Ирка. – Повторяю! Я-не-знаю-как-искать-змея! Я-не-могу-вам-помочь!

Дядька Мыкола еще некоторое время смотрел на нее... Пальцы на Иркином плече разжались... А выражение его лица опять стало как у физика, когда ему пытаются вкрутить, что по чисто физическим причинам – мол, свет погас во всем доме, вот честное слово! – не успели выучить параграф.

– А чим ты все время занималась? – презрительно фыркнул дядька. – Ну – це твое дило... Не знаешь, так пойди и швидко научись! – звучным шепотом, похожим на крик, выдохнул он, – бо це ж твоя работа!

– Какая еще работа? – немедленно возмутилась Ирка. – Я ребенок! Школьница!

– А ще ты хортицкая ведьма, – невозмутимо заявил старый богатырь – словно этим все сказано.

– Ну и что? – упрямо насупившись, буркнула Ирка. – А если бы змей полетел в другой город, не в наш, вы все равно должны были...

– Мы все равно выкликалы б тэбэ, – перебил ее Мыкола. – Це тоби свезло, навроде бонуса – по першому змею в родном месте работать! – ухмыльнулся он.

– Что за ерунда! – уже в полный голос вскричала Ирка. – А если я вообще отсюда уеду?

– Куда? – искренне удивился Мыкола. – Хортицкая ведьма може жить только рядом з Хортицею! Разве що в якусь турпоездку... – серьезно прикидывая, куда Ирка может позволить себе съездить, сказал он. – Та тильки по Европе – шоб нияких заокеанских Америк-Австралий! И не бильше, чем на недельку! – строго добавил он. – Щоб якщо – щось, быстро долететь могла!

– Что вы мной распоряжаетесь? – вскинулась Ирка, чувствуя, как под веками нестерпимо жжет от непонятно откуда взявшихся слез.

– Так то ж не я! – неожиданно мягко ответил Мыкола. – То доля твоя!

– А если я не хочу такой доли?

– А тоби не здається, що ось сейчас возмущаться вже пиздно? – ухмыльнулся дядька и скрылся в ванной, напоследок бросив через приоткрытую дверь: – Ты хлопцам якись раскладушки пошукай – бо нам же тут, у тэбэ, ночевать придется. Щоб под рукой быть, колы ты змия знайдешь! – И створка с грохотом захлопнулась – прежде чем выхваченный Иркой из кармана шарик разрыв-травы успел влететь в щель.

– Соврал он тебе, коза! – прозвучал за спиной глубокий голос.

Прислонившись плечом к косяку кухни, стоял Вук. И смотрел на Ирку неожиданно сочувственными и еще – бесконечно старыми глазами, странно выглядевшими на физиономии быковатого «качка».

– Поздно было, уже когда ты родилась, – тихо сказал Вук.

– Ну поймите же! – чувствуя, что и впрямь вот-вот разревется, закричала Ирка. – Это просто невозможно! Не могу же я всю жизнь то духов гонять, то змеев ловить, то каким-нибудь чертям хвосты крутить! Я вырасту, найду себе профессию! Мне работать надо будет!

– Да уже есть у тебя, коза, и работа, и профессия, – лениво протянул Вук. – Ведьма ты. Кто-то дома строит, кто-то людей лечит, кто-то в кабаке музыку лабает. А ты мир хранишь. В конкретной, в натуре, точке – на острове Хортица и окрест.

– Вот классную жизнь вы мне придумали! – возмутилась Ирка. – Кто-то по заграницам ездить будет, а я...

– А ты, коза, сидишь здесь и обеспечиваешь существование мира! Чтоб они строили, лечили... ездили, – усмехнулся Вук.

– А жить я на что стану? – Ирка уже почти орала.

Улыбка сбежала с неандертальской физиономии Вука.

– Э, ты о чем, коза? – искренне изумился он. – Ты ж змея себе вызывала? Не, точно вызывала, я ж сам видел, как Мыкола визу штамповал...

Ирка угрюмо промолчала – дался им этот змей!

– Так он же должен был тебя того... Обеспечить! – вислые брови над крохотными глазками Вука заходили ходуном. – А иначе зачем ты его вызывала, коза?

– Не нужно мне его... обеспечение! И никакая я вам не коза! – ненавидяще выпалила Ирка и рванула к дверям. Что ей надо, так это глоток воздуха! И хоть минуту побыть одной!

– А на что ты жить будешь... телка? – донесся ей вслед крик Вука.

Ирка проскочила мимо бабкиной комнаты. Через телевизионный экран во весь опор неслась рыцарская конница – железными статуями покачивались облаченные в доспехи немецкие псы-рыцари, и соколами взмывали в седлах скачущие на перехват русские конники в кольчугах. Бабкиной макушки над спинкой кресла видно не было – значит, по-прежнему спит. Сериала в ночном показе не случилось, а сегодняшние перебои с электричеством требовали общения с телевизором – как с любимым родственником после долгой разлуки.

Ирка выскочила на крыльцо и привалилась к поддерживающему жестяную крышу столбику. Новехонькому, еще пахнущему свежеструганным деревом. Ставить новые столбики пришлось потому, что полтора месяца назад, перед зимним Солнцеворотом, Ирка вот так вышла на крыльцо – тут-то ее и прихватил убийца ведьм Спиридон. Крыльцо доблестно погибло в схватке.

Ирка подумала и спустилась на садовую дорожку – если опять какая драка начнется, пусть повреждения распределяются по дому и саду равномерно. Хотя сад уже страдал – когда через забор ломились земляной и песчаный големы, поднятые робленными ведьмами Оксаны Тарасовны. А еще раньше на огороде, выжигая грядки клубники, буйствовала рука зеленого огня, насланная Радой Сергеевной, первой Иркиной учительницей ведьмовства. Знающая была тетка, хоть и робленая, если б не пыталась Ирку убить – жили бы душа в душу.

Девочка подняла глаза – в мутном окошке пристройки горел огонек. Теперь там живет Дина, не знающая, что такое картошка, и ни за что не позволяющая ни стричь, ни закалывать свои невероятной длины волосы. На кухне пьют чай хортицкие богатыри, примчавшиеся сюда в погоне за змеем. А в опустевшем курятнике хрупают овсом их кони.

Ее родной дом с успехом борется за звание сумасшедшего!

Прав Андрей. Тысячу раз прав! Какая жизнь у него – и какая у Ирки? Он всего добивается сам – а даже если родители помогают, так этому только позавидовать можно, во всяком случае Ирка завидовала. И в награду за его и их усилия у него будет все! У него уже есть все – классные поездки, машина, крутая учеба! Он повидает мир, будет кучу всего знать и уметь – нужного, полезного. И не станет забивать мозги рифмованными строчками, что воздействуют на создания и Силы, в существование которых весь остальной мир даже не верит. Со временем Андрей найдет работу – и сто процентов, эта работа будет ему нравиться, он добьется успеха, сделает карьеру, заведет дом, станет зарабатывать нормальные бабки!

А у Ирки дом – вот эта развалюха, мир – один остров на Днепре, потрясюще красивый, но все-таки всего один, и еще десяток здоровенных, пыльных, загазованных городов с хмурыми усталыми людьми на улицах, куда она, оказывается, должна мчаться по первому требованию неизвестно кого. А насчет бабок – о, с бабками ей повезло, особенно с той, которая сейчас русско-немецкие средневековые страсти смотрит во сне!

Пронзительный вопль из приспособленного под конюшню курятника едва не смел Ирку с дорожки.

– Нет, мы не боремся за звание сумасшедшего – мы уже победили. Взяли Гран-при – смирительную рубашку с оборочками, – пробормотала Ирка, бросаясь на крик.

Дверь курятника распахнулась – оттуда, потрясая фонариком, вылетела бабка и кинулась к дому. Ирка проводила взглядом просвистевшую мимо родственницу, заглянула в курятник. Вроде все спокойно, только богатырские кони дружно перестали хрумтеть овсом и теперь глядели на Ирку – на мордах написано вопросительное удивление. Ирка в ответ недоуменно пожалала плечами и побежала за бабкой.

Нагнала ее уже в доме – бабка стояла в коридоре у дверей, крепко держась за вешалку и шумно дыша. По вискам ее катился пот.

– Правая ты, Яринка, как есть правая! – судорожно хватая девчонку за руку, прошептала она и уставилась на внучку безумно расширенными глазами. – Не можно стильки телевизор смотреть! Представляешь, выскочила я пид час рекламы на двор...

– Зачем, бабушка? – пытаюсь высвободить намертво стиснутые в ее кулаке пальцы, поинтересовалась Ирка.

– Ну-у... А проверить! – вызывающе сказала бабка. – Що там ота деревенская лахудра робыть! Може, она свет жжет, а он денег стоит!

– Ты с ней договоришься на оплату по счетчику! – напомнила Ирка.

– А ось и не треба було! – хмуро буркнула старуха.

Ну ясно, раз жиличка за электричество платит – нет повода для скандалов и поучений.

– Иду я, значит, провирыты и тут чую – з курятника кони фырчать! Ось тобі свя-
тый-истинный хрест, Яринка! – она размашисто перекрестилась. – Заходжу туды, а там... Як думаешь, що там?

– Кони, – обреченно кивнула Ирка.

– Точнисенько! – аж подпрыгнула бабка. – Заместо курей – кони!

– Кур ты еще под Новый год распродала, – напомнила Ирка.

– И що – коней завела? – бабка поглядела на внучку презрительно. – До 23 февраля хиб
що? Нет, Яринка... – ее голос упал до испуганного шепота. – То воны звидты повылезли! –
Она испуганно ткнула пальцем в отлично видный сквозь дверной проем телевизор. Там жуткая
реклама с умирающими в муках микробами снова сменилась фильмом – русские доспешники
резали передовой строй рыцарского войска с такой детальной и неспешной методичностью, что
последний ряд рыцарей вполне мог за это время сбегать перекусить, а не толпиться у занятых
людей за спиной, размахивая бесполезным оружием.

– Бабушка... – осторожно начала Ирка, – ты думаешь, что рыцарские кони из телевизора
теперь живут у нас в курятнике?

– Нет, дытынка, – бабка вздохнула так печально, точно у нее разрывалось сердце. – Я
думаю, що воны живут у мэнэ в голови! Соседка Анька казала – буду стильки смотреть, все
у мэнэ поперепутывается! Ось и маю! – бабка шмыгнула носом. – Сглазила, ведьма прокля-
тущая!

– Никакая она не ведьма, – пробормотала Ирка, отлично знавшая, что ведовства в соседке
тете Ане ни на грош. И как теперь объяснить бабушке, что кони – настоящие?

– Добре, шо лише кони, а не оте мужики з ведрами на бошках та шаблюдами, – сказала
бабка. – Пусти мэнэ, Яринка! – отбрасывая Иркину руку, точно не она во внучку вцепилась, а
та ни за что не соглашалась ее отпустить, выпалила она. – Мени до ванной треба.

Ирка рассеянно кивнула, отчаянно пытаюсь сообразить, как же объяснить появление
коней в курятнике. И только потом вспомнила... Дядька Мыкола!

– Стой, бабушка, не ходи туда! – рванулась она следом...

Поздно! Бабка уже во всю ширь распахнула незапирающуюся дверь ванной!

Изнутри сдавленно крикнули... И воцарилась долгая тишина – казалось, даже бегущая
из крана вода замерла, не долетев до дна ванны. Бабка закрыла дверь медленно и осторожно,
точно та была из стекла.

– Мужик в доме, – задумчиво сказала она, – в нашей ванной моется.

– Ну моется и моется, что такого особенного, ты сама говорила, что нам мужика в доме
не хватает... – совсем растерявшись, забормотала Ирка.

– Чего особенного? – с подчеркнутым спокойствием переспросила бабка. – Да почитай,
ничого... Хиб
що на вешалке висять его трусы в цветочек... та кольчуга.

– Что, как у волка из «Ну, погоди!»? – невольно представив розовые семейные труханы
по колено, захихикала Ирка.

– У волка з «Ну, погоди!» кольчуги не було, – с достоинством знатока объявила бабка и
на подгибающихся ногах направилась... в кухню!

– Нет... – только и успела простонать Ирка.

Чаевничающие богатыри с грохотом вскочили, хватаясь за мечи.

Бабка тусклым взглядом обвела заполонивших ее кухню здоровенных мужиков с обнаженными клинками в руках, обошла их по широкой дуге и принялась пить воду прямо из-под крана. Явный признак, что ей нехорошо: потреблять внутрь сложное химическое соединение, что текло в их городе из водопроводных кранов, могли только черепашки-ниндзя мутанты – им все равно терять нечего.

Появившаяся в кухне Ирка молча покрутила пальцем у виска, демонстрируя богатырям свое мнение об их умственных способностях.

– Бабушка, ну ты чего, ну, ба! – Ирка перепуганно смотрела в затылок присосавшейся к струе бабке. – Ну мужики, ну в кольчугах, ну с мечами... Они не агрессивные – сидят себе, чай пьют...

– Ото ж бо! – фыркая водой, как морж, ответила. – На моей ридной кухне сидять мужики в кольчугах и с мечами – чай пьють!

– Что ты – кольчуг с мечами никогда не видела?

– Видела, – продолжая пить, пробубнила бабка, – в телевизоре, – и остановилась. – Погодь, Яринка... – медленно поворачиваясь к внучке, недоверчиво спросила она. – Ты шо ж, их теж бачишь?

Ирка торопливо закивала.

– А ну, кажи... – бабка подозрительно прищурилась, словно думала, что Ирка ее обманывает. – Скильки их тут всего?

– Пятеро. И один в ванной, – с готовностью отпартовала Ирка.

– Один курносый, белобрысый такой, на дурачка деревенского похожий... – подхватила бабка.

Ирка кивнула, а Федор Алексеевич густо покраснел.

– Инший чисто уголовник... – продолжала бабка.

Вук гулко кашлянул в кулак.

– Ще такой чернявый – вроде как лицо кавказской национальности...

– Это у деда Змиулана на Казбеке пещера была! А мама у меня украинка! – обиделся Еруслан Змиуланых.

– Одно з двух, – глубокомысленно заключила бабка, – або мы з тобой, Яринка, обе з глузду зыхалы... Так ты ж вроде телевизор не дуже смотришь! Або... – она окинула богатырей прояснившимся взглядом, – або в мэнэ полна кухня мужиков з шаблюками! А-а-а! – пронзительно заорала она и, схватив с печки сковородку, подпрыгнула и огрел а Федора по затылку. – Бежи, Яринка! Бежи! – скача вокруг богатыря, как блоха, и с каждым криком отвешивая новый удар, вопила бабка. – Милицию зови! Я их задержу!

– Не надо, бабушка, не надо! – Ирка запрыгала рядом с ней, пытаясь отобрать сковородку, но бабка двигалась по кухне, как великий боксер Мухаммед Али – «порхала, как бабочка, жалила, как пчела». Если, конечно, бывают пчелы со сковородкой. Целилась, в основном, по Федору – то ли посчитала его наиболее опасным, то ли наоборот.

– Бр-р-р!

Федор встряхнулся – видимых повреждений сковородка ему не нанесла, разве что физиономия стала ошарашенной, да за ухо кокетливо зацепился ломтик жареной картошки – и попытался отобрать у бабки ее оружие.

– Убивают! – уже на чистом ультразвуке заверещала та. – На ридной кухне на стару жинку напали, останню сковородку отнимают! Спасите! Милиция! – И прижав сковородку к груди, как ребенка, рванула к выходу.

Из ванной выскочил дядька Мыкола – в наскоро напаянных штанах и с фуражкой на голове. Распростер руки в классическом жесте «не пушу!» и перекрыл собой дверь. Бабка и сковородка врезались в него, как пушечный снаряд. Старый богатырь аж прогнулся от удара, едва не выдавив спиной дверь, крикнул – но устоял!

– Та що ж вы, жиночка! – укоризненно прогудел он, обхватывая бабку за плечи длинными ручищами. – Така розумна, така поважна... – Он внимательно поглядел на нее и с некоторым сомнением добавил: – Така гарна! Та що ж вы так кричите – вы мэнэ зовсим не чуєте, чи що?

И бабка вдруг замолчала.

– Та чого ж... Та чую... Та вы говорить, говорить... – опуская глаза, забормотала она.

Дядька растерянно крикнул, откашлялся:

– Та хіба ж таку жиночку хто з моих хлопцев обидит? – загудел он. – Та хіба ж можна? Та я им сам тогда руки-ноги повыдергиваю!

– А не брешете? – стреляя в дядьку Мыколу глазами, пролепетала бабка.

– Та щоб мэнэ громом побило, – после долгой паузы нерешительно пробормотал он – точно всерьез боялся, что бабка потребует подтвердить слово делом и таки повыдергивать его богатырям руки и ноги.

Но она вместо этого еще раз оценивающе стрельнула взглядом по голому торсу дядьки. Мускулы у старого богатыря были такие, что любой культурист удавился бы от зависти.

– А може, вам полотенечко дать? – стеснительно предложила бабка.

– Полотенце – та з ваших чаривных ручек? Та я его на шею повяжу, та все життя носить буду!

– Та що ж вы таке говорите, я прям смущаюся... – забормотала бабка. – А ты, Яринка, що, не могла подать? Доросла дивчинка, а якщо бабка не скаже, сама зовсим не соображаешь! А ну ходь за мной!

Ирка поволоклась следом за ней в комнату.

– Хто то все такие? – вываливая внучке на руки целую стопку полотенец, строго спросила бабка.

Но Ирка уже успела придумать историю.

– К Богдановым родителям приехали – на фестиваль исторического фехтования. В их доме все не поместились. Раз ты пристройку сдала, я и подумала, что можно и часть дома сдать. Недолго же, на пару дней всего... – Ирка истово, от всей души надеялась, что насчет пары дней она не врет. Просто больше она не выдержит! И получается, единственный выход для нее, если она хочет избавиться от богатырей – и впрямь найти змея?

– Ишь ты, подумала она! – возвращаясь в кухню с грудой полотенец, бурчала бабка. – А хіба це твоя хата, щоб ты таке решала? – повышая голос, чтоб все слышали, объявила бабка. – Тут я хозяйка – як я скажу, так и будет!

– А я вас предупреждала! – с легким злорадством шепнула Ирка растерянному дядьке Мыколе. – Что я еще ребенок, школьница...

– За электричество як платить будете? По счетчику? – подозрительно глядя на Мыколу, спросила бабка.

– По доброму согласию, – вмешалась Ирка, сваливая белье на стол. – Вот сейчас вы с дядькой Мыколой обо всем и договоритесь!

Бабка окинула богатырей взглядом – лучистым, как у девушки, услышавшей признание в любви, и расчетливым, как у олигарха, нацелившегося прикупить пару нефтяных скважин.

– Так ось хто нам ремонт зробить! – трепетно выдохнула она и торжествующе уставилась на Ирку. – А ты ще казала – чи багато я на гроши от сдачи комнат наремонтирую! Та я всю хату поправлю!

– Всю? – дядька Мыкола растерянно огляделся по сторонам, ковырнул пальцем отстающие обои – и испуганно уставился на Ирку.

Та мгновенно скроила невинно-отмороженную мину, хотя щеки у нее раздулись, как у хомяка, а губы тряслись – хохот рвался наружу.

И без того унылая физиономия дядьки стала вовсе похоронной.

– Разбирайте, парни, – похрюкивая от сдавленного смеха, Ирка кивнула на постельное белье, – только учтите, раскладушка всего одна! И еще диван!

Если, конечно, бабка на него кого пустит, так это точно будет дядька Мыкола. Остальные пусть устраиваются как знают – она слишком устала, чтоб что-то придумывать!

– В конце концов, богатырям положено в чистом поле спать, шлем под голову класть, ветром укрываться... – пробормотала она.

– Шлем твердый! – простонал Змиуланыч, жалобно глядя на Ирку бархатными молящими глазами. – А матрасика у вас какого не найдется?

– И подушечки! – смущенно подхватил Федор.

– Не найдется! – мстительно отрезала Ирка и убралась наконец к себе в комнату. Больше ее никто не задерживал. Дом был тих и спокоен – если не считать доносящейся из гостиной возни, а потом многоголосого богатырского храпа, от которого сотрясались стены.

Короткая стрелка старых ходиков со щелчком перескочила на цифру «пять». Ирка покосилась на непроглядную темень за окном, вздохнула и набрала номер Танькиного мобильного. Будить подругу в такую рань, конечно, абсолютное свинство, но чем раньше они встретятся, тем быстрее что-нибудь придумают. Желательно до того, как в набитый богатырями дом явится Андрей с ее курткой.

Глава 6. Дикie китайки атакуют

Андрей искренне удивлялся самому себе. Он и в школу-то всегда вставал с трудом, а уж подняться до рассвета и тащиться куда-то по темному морозному городу его могли заставить только совершенно чрезвычайные обстоятельства. Недаром родители проводили его недолгими взглядами – он поторопился выскочить за порог прежде, чем они начнут задавать вопросы. Особенно мама на это мастерица – охнуть не успеешь, как уже выкладываешь ей и куда идешь, и к кому... Не может же он сознаться, что собирается в балку, самый паршивый район города, чтобы отнести потерянную куртку одной девятикласснице, которая вчера улетела у него из рук? В буквальном смысле слова – через разбитое окно кафе. Андрей чувствовал, что родители этого не поймут. Он и сам не понимал.

Ирка и правда маленькая – ей даже шестнадцати еще не исполнилось, что с высоты Андреевых почти восемнадцати было полным и абсолютным младенчеством. Правда, когда Ирка оказывалась рядом, о разнице в возрасте он забывал. Наоборот, появлялось неприятное ощущение, что именно его, взрослого и продвинутого, девчонка считает... маленьким. Или идиотом, что еще хуже. Особенно когда чуть наклонив голову и занавесившись длинной челкой, она смотрит исподлобья невероятными, изумрудно-зелеными глазами, на дне которых отчетливо тлеет крохотный, едва заметный насмешливый огонек. Точно знает что-то такое... особенное, чего всем остальным никогда не увидеть и не понять, и это всеобщее незнание ее немножко огорчает, а немножко – забавляет. Мол, и рада бы поделиться, да извините, уважаемые, слишком долго объяснять придется.

Может, все дело в том, что Ирка... того... из неблагополучной семьи? Родителей нет, живет с придурковатой бабкой (видел он ту бабку один раз – впечатлений на всю жизнь!), в жуткой развалюхе на самом дне балки. Мама б узнала – залегла в обморок на сутки, а восстав, тут же улеглась поперек порога, дабы «не допустить»! Страх перед «девочками из неблагополучных семей» был, наверное, самым большим у его мамы. Чуть не каждый день она завывала: «Какая угодно, Андрюшенька, хоть косая, хоть кривая, хоть толстая, лишь бы из хорошей семьи». В последнее время еще стала добавлять: «Помни про Америку!» Почему-то ей в голову не приходило, что косая-кривая-толстая не устраивает самого Андрея, и Америка тут совершенно ни при чем!

Он и на Ирку-то по-настоящему запал, когда вокруг нее начали нарезать круги аж два крутых парня. Если девчонка нравится сразу двоим, значит, на нее сто процентов следует обратить внимание! Его мама в таких случаях обычно кривилась и утверждала, что он, Андрей, стадное животное и полностью лишен собственного мнения. На что Андрей только пожимал плечами – с его точки зрения, все было правильно: если девчонка, кроме тебя, никому не интересна, на кой она вообще сдалась?

А еще – в Ирке, несомненно, была тайна. Какая – докапываться Андрей и не пытался, потому что отлично понимал: ну какая, на самом-то деле, тайна может быть у девятиклассницы, всю жизнь проторчавшей на одном месте, на глазах соседей, учителей и одноклассников? Курение за гаражом? Тайный поход на ночную дискотеку? Но ощущение некой Иркиной загадочности Андрею страшно нравилось, привлекало его и будоражило. Особенность – тайна! – была и в Иркиных буйных черных кудрях, во взгляде, в походке, в непривычных разговорах, вроде того, последнего, в кафе. Опять-таки, Андрей не сомневался, что девчонка просто начиталась всякой фигни в Интернете, но с другой стороны – кто б еще рассказал ему о змеях из иного мира?

Только после происшествия в кафе Андрей с неприятным чувством начал осознавать, что некая, и похоже самая настоящая, тайна у Ирки все-таки имелась! Вокруг твердили о прогнозируемых антициклонах, атмосферных возмущениях и перепадах температуры, вызвавших

резкие воздушные завихрения – но Андрей видел то, что видел! Атмосферное возмущение и воздушное завихрение, а попросту – закрученный штопором смерч ломился в кафе, и была в его действиях жутковатая настойчивость и целеустремленность. Будто смерч охотился – и охотился именно на Ирку! Чего, конечно, быть не могло, потому как смерчи – не тигры какие, а тупая природная стихия, и охотиться, тем более за человеком, никак не могут! Перед глазами невольно проплыла невозможная картина подхваченных вихрем людей, несущихся в безумной карусели, и выпученные глаза летящей на него барменши с прижатым к широкой груди кофейным аппаратом. Оборванный провод извивался в воздухе.

Очнулся Андрей от вылитой ему на голову воды – крепко сбитый, кряжистый немолодой полицейский с недобрыми волчьими глазами изо всех сил тряс его за плечи, не переставая орать:

– Где Хортица? Она была здесь? Где она? Говори!

Будто Андрей преступник! И успокоился полицейский, только когда Андрей позвонил Ирке на мобилу и убедился, что она давным-давно благополучно добралась домой. Ну а что, собственно, могло случиться? Всего лишь ветер в городе, не в штормовом же море, честное слово!

Но почему полицейский сразу спросил, была ли здесь Хортица? Откуда он Ирку знает? Она ж не дочка президента, чтоб ее вся полиция знала! Значит, тому пожилому менту Ирка известна, скажем так, с какой-то другой стороны? И он ждет от нее неприятностей? Господи Боже мой, как говорит его мама, кем должна быть девчонка, чтоб городская полиция ждала от нее неприятностей? Боссом международного преступного синдиката, объединяющего девятые классы по всему миру?

Если спускающаяся ко дну балки дорога и была когда-то вымощена асфальтом, то теперь от покрытия остались лишь черные булыжники, похожие на спекшиеся островки – будто остатки лавы после давнего извержения вулкана. Глубокая колея, выдавленная в осенней грязи колесами грузовика, застыла на морозе. Ботинки Андрея скользили по ее рифленому дну – школьная сумка хлопала по задку, пакет с Иркиной курткой путался в ногах, заставляя спотыкаться еще больше. Нормальные дома проспекта остались позади, впереди показались двухэтажные коттеджи вперемешку с обложенными кирпичом развалюхами вроде Иркиной хаты. Вокруг росли низкорослые деревья, упорно цепляющиеся корнями за пологий склон, словно они пытались вылезти прочь из проклятой балки – и не могли!

– Кар-рр! Ка-рр! – Воронья стая снялась с ветвей и понеслась, обдавая парня пронзительным, похожим то ли на рыдание, то ли на издевательский смех карканьем.

– Ну и на кой я сюда поперся? – в досаде буркнул Андрей. – «В школу не в чем идти!» – передразнил он отсутствующую Ирку. – Добралась бы как-нибудь, а там я б уже ей куртку отдал... – снова забормотал он, пытаясь звуками собственного голоса развеять висящее вокруг ледяное безмолвие. Вдохнул и снова пошел вперед – не возвращаться же?

Мерзлая колея обрывалась у торчащего на обочине старого мусорного бака, доверху забитого смерзшимися пакетами. Сразу за ним дорога превращалась в узкую тропку, состоящую из сплошных колдобин. Деревья стискивали ее, как конвоиры опасного заключенного.

– Я хоть туда иду? – передернул плечами Андрей. – Главное, ни одного человека! Здеешним что, на работу не надо? Или рано еще? – он вопросительно поглядел на часы и... Ему показалось или он и впрямь заметил промелькнувшую между стволов тонкую гибкую фигурку? Он недоуменно огляделся. Деревья росли достаточно редко, и пространство между ними просматривалось насквозь – рядом никого не было.

– Блин, как Ирка тут живет! – вытирая невольно выступивший на лбу ледяной пот, пробормотал Андрей.

– Ш-ш-ш-шур!

Лежащий под деревьями толстый слой старых осенних листьев, смерзшихся в сплошную жесткую корку, с треском разломился. Извилистая щель прошла его насквозь.

Андрей обернулся, успев уловить мгновенный отблеск движения между деревьями, на сей раз с другой стороны. Снова кто-то пробежал.

– Эй, что за игры! – невольно отступая на шаг, пробормотал Андрей.

Мерзлые листья зашевелились, по ним словно волна прокатилась и понеслась вперед, остановившись у самой дороги.

– Так, Ирка как-нибудь перебьется, а я отсюда ухожу! – прошептал Андрей, пятясь и не отводя глаз от вздыбившейся напротив него кучи гнилых листьев.

– Пошш-шел, – казалось, у самого его уха прошипел бесплотный – не женский и не мужской – голос.

Андрей резко остановился.

– Ну, что встал! – нетерпеливо проворчал голос неведь откуда, словно звуки рождались прямо из морозного февральского воздуха. Теперь в голосе отчетливо были слышны капризные девчончьи интонации!

– Оставь куртку и иди! – снисходительно добавил голос. – Я тебя отпускаю!

Нет, точно – девчонка! Страх не исчез, но поутих – стыдно парню бояться какой-то девчонки.

– А может, тебе заодно и мои ботинки презентовать? – поинтересовался он, стараясь говорить насмешливо. – Вместе со вчерашними носками? Так я могу...

Из пустоты раздался отчетливый смешок.

Голос невидимой девчонки был Андрею совершенно незнаком, но интонации ужасно напоминали его бывшую подружку Людку. Наверняка также много о себе понимает!

– Эй, ты где есть? Покажись! – Андрей еще интенсивнее закрутил головой, но вокруг по-прежнему было абсолютно пусто. Даже слежавшиеся листья больше не шевелились. Парень демонстративно пожал плечами и пошагал дальше по тропе.

– Я даю тебе последний шанс! Немедленно положи куртку и убирайся!

– Облезешь! – хмыкнул Андрей.

Словно со всех сторон сразу раздалось шипение, будто кто-то злобно втянул воздух сквозь зубы.

Не понимают девчонки, ну вот не по-ни-ма-ют – нельзя с парнями так разговаривать! Что это за мужик, если он после такого наезда сделает, как она хочет. Это ж себя не уважать! Вот и Людка не понимала, тоже все время орать пыталась, хотя, говорят, с новым своим она тише воды ниже травы...

– Кха-ш-ш!

Бешенное шипение – ярость и одновременно непонятный приказ! – прокатилось по лежащей листве, пронеслось над тропой, пошевелило кроны деревьев. Казалось, каждая ветка извивается и шипит, пытаясь дотянуться до замершего Андрея.

Бах!!!

Лежалые листья у края тропы взорвались, разлетаясь во все стороны. Тонкая гибкая фигура со скоростью стартующей ракеты взмыла в воздух. Оттолкнулась от дерева, взлетела еще выше, кувыркнулась, мелькнув черной косой, легко приземлилась напротив Андрея.

– А? – он чуть не подавился.

Перед ним и впрямь стояла девчонка. Только китайская! Маленькая и тонкая, как шнурок, желтое тощее лицо с глубоко запавшими щеками и туго натянутой на высоких скулах кожей. Лицо казалось лакированным – бесстрастное, невозмутимое, ни единой эмоции, как у куклы! Перекинутая через плечо коса, украшенная жутковатого вида двузубым гребнем, змеилась по груди. Щелки глаз китаянки следили за каждым движением Андрея из-под набрякших век.

Андрей обалдело уставился на это видение из гонконгских боевиков. Китайка была одета в облегающий зеленый комбинезон, как у киношных супердевушек или циркачей. Сходство с цирком усиливали пересекающие комбинезон ярко-желтые полосы.

– Ты кто? – невольно отступая, пробормотал Андрей.

Китайка немедленно шагнула следом, точно была привязана к нему веревкой.

– Чего тебе надо? – завопил Андрей, срываясь на испуганный визг.

– Кшхав-хав-кш! – из уст китайки вырвались полулающие, полукашляющие звуки, а небрежно заплетенные черные волосы капюшоном раздулись вокруг головы. И... Андрей почувствовал, что у него слабеют ноги. Между растянувшимися в щель бледными губами китайки трепетал длинный гибкий язык! Раздвоенный!

– Тебе эта куртка нужна? На! На, держи! – протягивая пакет с Иркиной курткой, почти простонал он. – Только отвяжись от меня!

Ирке он объяснит, скажет, что потерял, другую купит – да что угодно, лишь бы оказаться подальше от этой мерзости!

– Кхав-кшии! – издавая все те же лающие звуки, китайка стала раскачиваться, как вызванная дудочкой факира змея.

– Да забирай же! – заорал Андрей, швыряя пакет китайке в лицо. В ту же секунду она прыгнула. Сокрушительной силы удар в грудь обеими ногами – Андрей пролетел метров пять и впечатался спиной в мерзлую землю. Словно в него железный кол вогнали – доступ воздуха перекрылся мгновенно, оставив мальчишку в глухом, беззвучном вакууме. Перед глазами мелькнуло желтое лицо – все такое же неподвижное, точно лакированное, но теперь никто не назвал бы его бесстрастным. В щелках черных глаз пылала запредельная ярость. Андрей понял – шансов на спасение нет.

Китайка нагнулась – маленькая, почти детская ручка сгребла парня за ворот куртки и потащила к себе. Андрей вцепился обеими руками ей в запястье, пытаясь оторвать ее пальцы от своего горла...

И понял, что нет на ней никакого комбинезона! Под его ладонями была кожа – только зеленая в желтых кольцах! Отвратительно гладкая и липкая на ощупь, скользкая, как намыленная – совершенно голая кожа!

На вытянутой руке китайка вздернула парня над головой! Длинные ноги Андрея скребли по земле, он отчаянно дергался – слабый и беспомощный, как в три года, когда взрослые гости родителей хватили его под мышки и подбрасывали к потолку, почему-то считая, что ему это должно нравиться! Сейчас ему это не нравилось даже больше, чем в детстве! Медленно, будто смакуя его ужас, китайка подтянула Андрея к себе. Из-под левой губы выдвинулись похожие на двузубую вилку изогнутые клыки, покрытые какой-то черной дрянью! Андрей содрогнулся. Даже не от ужаса – от отвращения. Мозг отказался рационально объяснить происходящее и перешел в режим чрезвычайного реагирования: нападают – дерись. И все сразу стало проще.

Кулак Андрея с размаху врезался китайке в скулу.

Пронзительная боль, будто он в стальной столб ударил, прошла руку от пальцев до локтя. Голова китайки мотнулась в сторону, из носа хлынула кровь и... пальцы на его горле разжались. Судорожно хватая воздух ртом, парень рухнул на мерзлую землю, извернулся – и со всех ног рванул прочь!

На бегу он все-таки оглянулся – китайка стояла на коленях, обеими руками закрывая лицо.

Воздух шевельнулся впереди. Подчиняясь инстинкту, Андрей вильнул в сторону, кубарем покатился вдоль дороги, вскочил... Китайка приземлилась перед ним – черная змеящаяся коса и... Взгляд Андрея остановился на ее расписанной желтыми полосами зеленой груди – несмотря на весь кошмар ситуации Андрей вдруг почувствовал, что краснеет!

– Если даже ты зеленая – это ж еще не повод бегать голой! – невольно пробормотал он. За спиной послышался шорох. Андрей обернулся, быстро посмотрел назад, вперед...

– Так вас две! – выдохнул он.

– Кхав! – вторая китаянка издала такой же высокий лающий звук и резко крутанула головой.

Андрей и сам не понимал, как ему это удалось, но он успел отшатнуться – извилистая коса прошла у самого его лица. Тускло блеснули стальные зубья заколки. Их покрывало что-то темное, на взгляд липкое. Новая противница ринулась к нему, по-змеиному качая головой из стороны в сторону. Ее коса извивалась, точно жила отдельной жизнью, но цель у нее была та же, что и у хозяйки, – убить!

Воздух опять шевельнулся за спиной, но Андрей больше не оглядывался. Он просто упал ничком – еще одна коса пролетела над ним. Парень кувырком ушел из-под удара, взвился на ноги... Его первая противница пришла в себя. Не давая ему и секунды опомниться, китаянки ринулись на него с двух сторон.

Прыжок – подошвы тараном в грудь. Андрей стремительно развернулся, пропуская их мимо себя. Пригнулся, уворачиваясь от кос. Вторая китаянка пронзительно залаяла-зашипела. На миг мальчишка увидел ее, зависшую на фоне серого утреннего неба. В последнюю секунду Андрей успел уклониться. Но теперь ему приходилось метаться туда-сюда – он понял, что чувствует несчастный мяч под ногами футболистов! Китаянки, изгибаясь так, будто в их телах не было ни единой кости, стремительно осыпали его быстрыми короткими ударами. Пинок ногой все-таки достал его – адски болел живот. Из разбитого носа капала кровь. Черные косы пронзали воздух. Но Андрей продолжал уворачиваться, сам не понимая, откуда у него берутся силы!

По идее, он давно уже должен задохнуться от такого темпа и просто свалиться!

Это была лишняя мысль. Совсем лишняя! Тело, словно смутившись такого логичного вывода, налилось одуряющей, обморочной слабостью. Андрей споткнулся... Стремительным движением китаянки словно распластались в пространстве, зажимая его с двух сторон! Черные косы со свистом взвились в воздух...

В отчаянии Андрей шарахнулся назад – и врезался спиной в мусорный бак!

Губы китаянок снова растянулись в змеиных усмешках – они загнали его в ловушку! Увенчанная гребнем коса метнулась к лицу мальчишки – и разочарованно брякнула об стенку мусорника.

За краткий миг до удара Андрей взвился в воздух – словно взлетел! – и перемахнул через контейнер. Обхватил его обеими руками... и вздернул над головой! Ржавую железную махину вместе со смерзшимися мусорными пакетами!

– Н-наа! – воздух тяжеловесно ухнул, и мусорный бак врезался в кинувшуюся на Андрея китаянку. Это было похоже на ракетный удар – противницу снесло прочь, шарахнуло о землю и накрыло контейнером сверху. Новый высокий прыжок – деревья вдоль тропы превратились в смазанную полосу, Андрею даже показалось, что он летит! – подошвы грохнулись об дно мусорника. Андрей приземлился сверху, вколачивая распластанную китаянку в мерзлую колею. Соскочил, подхватил мусорный бак снова... и... обрушил его китаянке на голову. Раз... И еще раз...

На обледенелой земле билась полураздавленная кобра.

Бак вывалился у Андрея из рук и с грохотом завалился на бок. Парень замер, остановившимися глазами следя за последними конвульсиями зеленого тела с желтыми полосами. Змея еще раз дернулась, выгибаясь... и замерла.

Ухо уловило едва различимый свист. Андрей развернулся, и... его кулак сжался на летящей в него косе. Уцелевшая китаянка замерла, пошатываясь, тяжелые капли густой, почти черной крови капали из разбитого в схватке носа, скапливаясь у ног в багряную лужицу. Узкие

щелочки глаз сощурились еще больше, и в них полыхнула уже знакомая неуправляемая, безудержная ярость.

Стиснутая в кулаке коса изогнулась, будто живая. Двухзубая заколка вонзилась Андрею в запястье.

Острая невыносимая боль прокатилась от кончиков пальцев по всему телу и ударила в затылок. Андрей пошатнулся и рухнул на колени. Перед глазами поплыло. Коса китайки вдруг стала скользкой и выползла из кулака. Последним усилием Андрей наклонился, вцепился в ржавый край мусорного бака и... швырнул его в китайку. Железная машина вспорола воздух и канула куда-то. Желтое лицо исчезло из поля зрения. А потом стало исчезать все – медленно наливаясь чернотой, погасло утреннее голубое небо, один за другим – будто отключали проектор – исчезали силуэты деревьев, на глазах таяла обледеневшая тропа, словно ее стирали мокрой тряпкой. На краткий миг зрение вдруг прояснилось – Андрей увидел нависшие над ним лица, совсем незнакомые, тревожные... Мужчина... Две женщины... Мужчина поднес к уху трубку... как она называется? Ах да, мобильный... мобильный... Губы шевелились, но звука не было... А потом вообще ничего не стало, только боль, боль, боль...

Глава 7. Есть такая работа – змея искать

– И еще Дина эта странная... – Ирка тоскливо поглядела сперва на привалившегося к подоконнику Богдана, потом на сидящую у стола Таньку.

– Дину твою разъясним, – авторитетно кивнул Богдан и похлопал кончиком пальцев между бровями. Девчонкам намек был понятен – с недавних пор у Богдана там находился третий глаз. Причем не такой, как у всяких любителей медитаций и йоги, а самый настоящий и довольно жуткий: красный, сверкающий и злобный. К счастью, окружающие замечали третий глаз, лишь когда мальчишка принимал свой второй облик – здухача, воина сновидений – а в такие минуты его обычно лицезрела только нечисть, которую Богдан нацелился прибить. Нечисть удивлялась – сильно, но недолго. Раньше глаз принадлежал как раз очередной нечисти – демону засухи ховало, которого Богдан отправил в стратосферу. А вживила глаз Богдану Танька, когда кинувшийся в почти безнадежную схватку с духом войны здухач потерял свое тело. Теперь Богдан стал единственным воином сновидений, способным отыскать свое погруженное в сон тело где угодно. Но даже в обычном, дневном облике мальчишка мог видеть никому другому не заметные «тени» у существ, наделенных особыми способностями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.